

Наталья Павлицева
АВАНТЮРИСТКА

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ИЗ БУДУЩЕГО

Наталья Павлищева

**Авантюристка.
Возлюбленная из будущего**

«Яуза»

2014

Павлищева Н. П.

Авантюристка. Возлюбленная из будущего / Н. П. Павлищева — «Яуза», 2014

Новый любовно-фантастический роман от автора бестселлера «Фаворитка». Наша современница при дворе короля Людовика XIV. Каково красавице из будущего в теле племянницы кардинала Мазарини, прославившейся своей «строптивостью», любовными похождениями и невероятными даже в ту бурную эпоху авантюрами? Суждено ли ей стать фавориткой английского короля и женой богатейшего человека Франции, как случилось в нашей реальности, – или она изменит не только свою судьбу, но и всю историю Европы? И сможет ли любовь смирить ее неукротимый нрав?

© Павлищева Н. П., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Когда любопытство порождает проблемы	5
Двор или задворки?	18
Ссылка по-королевски	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Павлищева

Авантюристка. Возлюбленная из будущего

Когда любопытство порождает проблемы

– Решились?

– Да. Я только посмотрю, как там Луи, только одним глазком, и обратно.

– Анна, смотрите на меня внимательно. Вы мне доверяете?

– Да.

– Я стал вашим другом, вашим советчиком?

– Нет.

– Почему? Я же столько для вас сделал. Что вы за неблагодарная, воспользоваться моими возможностями...

Чем больше он говорил, тем сильнее я злилась.

– Арман, вам было нужно сорвать заговор Сен-Мара, вы для этого отправляли меня в Париж трехсотпятидесятилетней давности к этой чертовой мегере Мари, я сорвала. Я выполнила все ваши условия, теперь вы не хотите что-то сделать для меня?

Он возражал, говорил, что ничего особенного я не сделала, можно сказать, пожила в свое удовольствие, даже роман покрутила, а теперь вот хочу, чтобы он открыл дверь перехода просто из моего каприза.

Мы уже почти орали друг на друга, я ненавидела Армана больше, чем ненавидела его тогда. Точно знала, что придушу, вот только схожу еще раз, чтобы посмотреть на Луи, вернусь и убью этого мерзавца, который так играет судьбами людей!

Взбешенная, я остановилась перед дверью:

– Или вы откроете, или я это сделаю сама!

– Да, пожалуйста! Только не забудьте, что в вашем распоряжении всего год, не больше. И можете проклинать там меня сколько угодно.

С этим смехом за спиной я и шагнула в комнату в прошлом. Конечно, не ту, что была в предыдущий раз в Малом Люксембурге. Мне еще предстояло понять, в какую и в чьем обличье.

Но это было неважно. Главное – найти Луи и убедиться, что у него все в порядке.

Конечно, из Интернета я знала, что он женился на старшей племяннице кардинала Мазарини, очень красивой девушке, по любви... Я должна увидеть любовь своего любимого, должна...

Я не собиралась быть там год, всего лишь найти Луи и порадоваться его счастью...

Это очень больно – счастье твоего любимого с другой, но я верила, что справлюсь.

За две недели до этого, в первый день своего давно ожидаемого отпуска на парижском блошином рынке Ле Пюс, я получила в дар от странного человека запечатанное письмо, адресованное мне, Анне Плесси... кардиналом Ришелье! Посчитав это розыгрышем приятелей, отправилась возвращать письмо согласно обратному адресу, где в небольшом особнячке меня ждал этот самый Арман де Ла Порт, умеющий открывать дверь в прошлое.

Обычная дверь в обычной флигельке позволила попасть во дворец Малый Люксембург в Париже XVII века к племяннице кардинала де Ришелье Марии, герцогине д'Эгийон мадам де Комбале, которая оказалась «своим человеком», перешедшим туда много раньше меня.

В предыдущий раз я практически выполняла задание Армана в обмен на возможность взглянуть на голубые плащи с крестами. Но это не все, я умудрилась поссориться со своей наставницей, влюбиться в Людовика герцога де Меркера, брата знаменитого Франсуа герцога де Бофора, и стать фавориткой короля Людовика XIII незадолго до его смерти. Фавориткой,

но не любовницей. Чтобы не стать последней, пришлось уносить ноги через эту самую дверь обратно.

Мне можно перейти еще раз туда и обратно, чем я и воспользовалась сейчас. Зачем? Хотелось убедиться, что из-за моего внезапного исчезновения Людовик герцог де Меркер не пострадал.

Вру, мне очень хотелось еще раз хоть одним глазком посмотреть на своего возлюбленного, втайне надеясь, что он меня не забыл.

Где я ожидала оказаться?

Почему-то совершенно об этом не задумывалась, зная только одно: это будет Франция середины XVII века где-то недалеко от моего Людовика герцога де Меркера, а значит, где-нибудь в Провансе, ведь он сам в Эксе.

Дверь, которая только что закрылась за моей спиной, в течение следующего года (года во Франции времен Людовика XIV) для меня доступна. В прошлый раз условием ее открытия было выполнение задания – срыва заговора Сен-Мара против кардинала Ришелье, теперь я почти вольная птица, могу в любую минуту потянуть за массивную ручку и уйти обратно в Париж своего XXI века.

Я даже не поняла, хорошо это или плохо, старалась не вспоминать, как во время предыдущего возвращения дверь поддалась не сразу и пришлось пережить несколько очень даже неприятных мгновений, перед тем как унести ноги. Моя тогдашняя наставница в мушкетерском Париже (я и мушкетеров-то не увидела толком) Мари предупреждала, что до последнего дня дотягивать не стоит, нужно возвращаться обратно чуть раньше. Она сама когда-то допустила такую ошибку и осталась там навсегда.

Вспомнила, что не расспросила у Армана, что же будет с Мари, если в той жизни она бессмертна. Жаль, но я еще успею спросить, вот посмотрю на своего возлюбленного Людовика де Меркера, узнаю, что у него все хорошо, и вернусь. Мне во Франции Короля-Солнце делать нечего, если, конечно, у Луи все хорошо и он счастлив. А если нет? Все равно надо возвращаться, счастья ему я добавить не могу, в той Франции я не просто бессмертна, но и не меняюсь с возрастом, потому что год там равен одному дню в моем Париже. Арман пустил меня через дверь на тамошний год, то есть всего на сутки в моей обычной жизни.

Тамошний... здешний... стало смешно от мысли, где для меня теперь эти «там» и «тут».

Арман де Ла Порт... Кто он? Не знаю, я была настолько занята мыслями о возможности еще раз сходить в прошлое, чтобы посмотреть на своего Луи, что так и не схватила этого самого Армана за горло, заставляя признаться честно, что за фокусы с перемещением он показывает. Кстати, находясь в прошлый раз в Париже XVII века, не раз сама себе обещала уничтожить Армана. Надеюсь воспользоваться его возможностями еще раз, угрозу не исполнила, хотя он заслужил.

Ладно, еще успею. Вот вернусь и придушу!

Думала ли я об этом, пересекая линию заветной двери? Конечно, нет! Я думала об одном: где мой Луи, Людовик герцог де Меркер, и помнит ли он меня? Ну, хоть чуть-чуть?

О том, узнает или нет, почему-то не размышляла. Если помнит, значит, узнает.

И только снова оказавшись в прошлом, почувствовав запахи, от которых еще не успела отвыкнуть, вдруг подумала, что показываться на глаза Луи не стоит. На что я рассчитываю? Что будет, если он вспомнит и пожелает возобновления нашей связи? Как я объясню свое многолетнее отсутствие и то, что я за эти годы не изменилась внешне?

Ой-ой, кажется, Арман был прав, снова лезть во все это не стоило...

Но теперь уже поздно жалеть, я во Франции XVII века, нужно найти герцога де Меркера, посмотреть на него и быстренько обратно, причем так, чтобы он меня не заметил.

Едва успела принять разумное решение, заскрипела входная дверь. Пока она открывалась, быстрым взглядом окинула комнату, в которой оказалась. Опля! Она немногим отличалась от той, в которой я оказалась в прошлый раз. Если сейчас войдет та же служанка Бьянка и сообщит, что мадам де Комбале ждет меня, значит, это дежавю. Ладно, я согласна, потому что это означало бы новую встречу с Людовиком в салоне мадам де Рамбуэе и все остальное тоже. Я даже на рану, полученную тогда в лесу, согласна, лишь бы Луи был со мной.

Вошла не Бьянка, но девушка очень на нее похожая.

– Мадам, к вам мадам Мария...

Началось! Кто такая эта Мария? И кто я сама? В прошлый раз Арман хотя бы сообщил мое имя.

В следующие несколько мгновений я беззвучно открывала рот, вернее, смогла лишь выдать из себя:

– Мари...

Она начала от двери:

– Сестра, нам нужно поговорить! Люсинда, оставьте нас и проследите, чтобы не мешали. Даже наш дядюшка-кардинал!

Дверь за служанкой быстро закрылась.

– Сестра?! – ахнула я, потому что во время предыдущего моего визита в прошлое Мари была племянницей всемогущего кардинала де Ришелье, а я ее бедной родственницей из провинции, какой-то троюродной племянницей, но никак не сестрой.

Она рассмеялась:

– Узнала?

– Мари, куда я попала, какой сейчас год? И кто я?

– Ну, куда, думаю, долго гадать не стоит, не из-за меня же ты вернулась? Хочешь еще раз встретиться со своим Людовиком? Значит, это все тот же век и тот же Париж.

Мари пожала плечами и уселась в кресло у камина, сделав жест, чтобы я села напротив. В прошлый раз она была моей практически хозяйкой... Сейчас я подчинилась не потому – ноги плохо держали. К концу предыдущего пребывания Мари превратилась в мою главную врагиню, именно она меня предала и продала. Чего ожидать теперь?

И все же я поймала себя на том, что... рада ее видеть. Ведь все то время, что я пыталась обуздать свою страсть в Париже XXI века, Мари была здесь и все знает, кроме того, в чужом мире вдвоем легче...

– Мы с тобой сестры и племянницы кардинала Мазарини. Я Мария Манчини, ты – Гортензия.

Я быстро соображала. Людовик де Меркер был женат на старшей из сестер Манчини Лауре, значит, теперь мы с ним родственники?

Мари, видно, заметила мои сомнения, усмехнулась:

– Если ты думаешь о герцоге де Меркере, то сомневаюсь, что известия о нем доставят тебе удовольствие. Герцог был женат на нашей старшей сестричке, которая умерла при родах их третьего сына. Счастливо и по любви женат. Арман мог бы показать тебе это все без перехода. Нет желания, – она сделала жест в сторону двери, – открыть ее обратно? Обругай Армана и возвращайся.

Если бы не насмешка в глазах Мари, я могла бы поступить именно так, но что-то заставило фыркнуть:

– У меня есть время, побуду здесь немного.

Мария кивнула:

– Хорошо. Я рада тебя видеть, правда, рада.

Я невольно улыбнулась:

– Знаешь, я тоже. Если бы Арман сказал, что мы встретимся, принесла бы что-нибудь оттуда...

– Не стоит. Для меня ваш XXI век тоже не родной, мне все равно.

Я ахнула:

– Ты не из моего времени?!

– Нет, но пока об этом не стоит. Давай поговорим о том, что происходит сейчас. Мы сестры, я старше на семь лет. Мне двадцать первый год, тебе четырнадцатый...

– Ка... какой?!

– Тебе тринадцать. Ты Гортензия, самая красивая из сестер Манчини. Думаю, Арман нарочно это устроил, чтобы ты не повисла на шее у герцога де Меркера.

– Но как мне может быть тринадцать, я же взрослая женщина?!

– А я какая?

Только тут я сообразила приглядеться к самой Марии. В первые мгновения встречи видела только ее глаза, нутром понимала, что это она, а теперь осознала, что нынешняя Мария выглядит куда моложе той, которую я видела в прошлый раз.

– Но как такое возможно?

– Посмотри, – она встала и поманила меня к большому зеркалу.

Шорох шелков, колыхание пламени свечей, потрескивание поленьев в камине... Я в Париже XVII века.

По ту сторону волшебного стекла стояли две красавицы. Настоящие, без натяжки в веках. Большущие глаза – у старшей чуть светлей, у младшей почти черные, нежный овал лиц, брови вразлет, черные ресницы безо всякой туши, точеные шеи...

Бог мой! В своей нормальной жизни, считаясь весьма и весьма симпатичной, я не имела и подобия этой ослепительной внешности.

Боясь спугнуть изображение, сделала неопределенный жест рукой, младшая красавица в зеркале сделала его одновременно со мной.

Конечно, читая о Людовике герцоге де Меркере в Интернете, я интересовалась и сестрами Манчини, все же старшая Лаура была его супругой, видела портреты, но что портреты! Они не могли передать и сотой доли той прелести, которую отразило зеркало. Не было у Марии и Гортензии Манчини (если мы – это они) никаких двойных подбородков. За остальных сестер ручаться не могу...

Мария рассмеялась:

– Я вижу, ты сама себе понравилась... Но не надейся понравиться герцогу де Меркеру.

– Почему? – спросила раньше, чем сообразила, что именно говорю.

– Он тяжело пережил смерть Лауры, увлекся религией и мечтает стать кардиналом.

– Какой сейчас год?

– 1658-й. И у меня к тебе разговор.

Но поговорить толком не успели, Мария лишь вкратце объяснила, что у нее бурный роман с королем, который готов жениться, но кардинал всячески этому препятствует.

Я затрясла головой:

– Подожди... Как жениться? Какой король, какой кардинал?

Мария рассмеялась.

– Понятно, тебе нужно время, чтобы осознать, что после твоего предыдущего пребывания здесь прошло почти семнадцать лет. За это время маленький король Людовик превратился в настоящего красавца, кардинал Мазарини успел не только заменить нашего Ришелье, но и побывать в ссылке, вернуться, привезти сюда нас, даже подержать меня в монастыре, и теперь вот болен и долго не протянет...

– О, господи! Тебя-то за что в монастыре?

– Это наша мамочка виновата, гороскоп предсказал, что я принесу много волнений и горя окружающим. Она решила, что пусть этими окружающими будут монахини.

– А я?

Мария махнула рукой, весело блестя глазами.

– Ты не лучше! Крутишь романы напропалую, любишь ездить верхом, носить мужскую одежду и даже владеешь шпагой.

Мне тоже стало весело.

– Я не забыла то, чему меня учил герцог де Меркер?

Веселье буквально слетело с моей нынешней сестры, брови сурово сдвинулись:

– Герцог ничему тебя не учил. Постарайся забыть всю жизнь во время предыдущего пребывания здесь или немедленно переходи обратно. Если ты спутаешь что-то из событий или отношений шестнадцатилетней давности, будет беда.

Я подумала, что Мария права, но почему-то покачала головой:

– Не перепутаю.

– Гортензия, мне правда не хочется, чтобы ты уходила, но оставаться опасно, ты слишком живо все помнишь...

Чтобы сообразить, что Мария обращается ко мне, пришлось сделать усилие, ведь в прошлый раз я бывала в Париже времен кардинала Ришелье под своим собственным именем – Анной Плесси, теперь я Гортензия Манчини... Это явный прогресс, в прошлый раз Арман забросил меня сюда в качестве бедной родственницы из провинции к Марии мадам де Комбале, и моя подруга по несчастью отыгралась всласть. Сейчас она явно рада моему возвращению и обеспокоена им.

И тут я сообразила еще одно:

– Король хочет на тебе жениться?

– Да. Знаешь, Людовик XIV превратился в настоящего красавца. Таким увлечься ничего не стоит. Он хорош собой, внимателен, добродушен, очень неглуп. Конечно, королева-мать Анна Австрийская и наш с тобой дядюшка кардинал Мазарини сделали все, чтобы отодвинуть его от власти, а его учителя не слишком старались внушить тягу к знаниям, но я уже многое исправила.

– Ты?

– Я. Ладно, пора ужинать, сейчас постарайся не запутаться, а потом я тебе все подробно расскажу. Дядюшка у королевы, ужинать будем втроем с младшей сестрой Марией-Анной, она еще маленькая, ей десять, потому не бойся, хотя будь осторожна, эта язвочка весьма проницательна. Я сказала, что у тебя болит голова, но, думаю, выйти тебе стоит, меньше будет вопросов.

Я рассмеялась:

– Снова я у тебя в обучении. Но я рада, правда, Мари, рада.

– Я тоже.

Мы уже шли по коридору большого, явно больше Малого Люксембурга, в котором я жила в прошлый раз, дворца.

– Как тут все изменилось... Мы в Люксембургском дворце?

– Нет, у нашего дядюшки свой дворец Тюбеф по соседству с Пале-Кардиналь. Кстати, королеве Анне понравился дворец моего предыдущего дядюшки кардинала Ришелье настолько, что она перебралась туда. А потом еще и нашего нынешнего дядю-кардинала к себе перетянула. Но теперь формально Мазарини живет в Тюбефе, в действительности с королевой в Лувре. После того как Его Величество дважды серьезно напугали в его собственной спальне, королева решила перебраться в Лувр, прихватив с собой и кардинала. Конечно, это совсем рядом, но все же...

– А Версаль?

– Версаль? – удивилась Мари. – В Версале симпатичный, как говорят, охотничий домик. А почему ты спрашиваешь?

– А дворца еще нет? – шепотом поинтересовалась я, радуясь, что успела задать этот вопрос сейчас и не попала в неловкое положение где-то в обществе придворных. Я не помнила год начала строительства Версальского дворца, но искренне полагала, что он бы уже должен стоять.

– А будет дворец? И большой?

Я изумленно уставилась на Мари. Что значит «будет», как она может не знать о Версале?

– Ну да...

Я вдруг осознала, что за много лет она могла попросту забыть слишком многое из той жизни, откуда пришла. Бедная Мари, надо постепенно ей напоминать.

– Ну, а мы, несчастные, ютимся здесь, – Мари повела рукой, показывая на роскошную лестницу, достойную королевских апартаментов. – Привыкай, ты в самом центре Парижа и событий. Между прочим, дядюшка намерен оставить эту хижинку тебе.

– Почему мне?

– Ты у него любимая племянница. Если будешь вести себя хорошо, получишь все – дядин дворец, немислимое приданое и его титул.

Я чуть натянуто рассмеялась:

– Что значит «хорошо», Мари?

– О... это интересно, но расскажу позже. Если коротко, то нужно просто выйти замуж за того, кого выберет кардинал.

– Ты сказала, что мне тринадцать...

– И что? Повторяю: у тебя три соискателя руки, которые почему-либо не устраивают дядюшку, и еще десяток воздыхателей, которых он вообще в расчет не принимает.

– Боже, зачем мне все это?! Арман не мог придумать что-нибудь попроще?

– Мог, но не захотел. Ты еще не знаешь, на что он способен. Думаешь, почему я осталась?

– Ну, и почему?

Мари тихонько рассмеялась:

– Расскажу... Время будет, мы с тобой дружные сестренки. Арман хитер, продержал тебя там все время Фронды и опалы кардинала, а теперь вот вернул.

Я вдруг сообразила:

– Мари, а где все это время была ты?

– В монастыре, – пожала плечами красавица. – Кстати, у тебя целых три бурных романа с Карлами – с королем Англии Карлом II, герцогом Савойским и герцогом Лотарингским. Все недурны собой, умны и вполне достойны твоей руки. Кого еще дядюшке нужно, не пойму. Меня выдавать за Людовика не желает, тебя за Карла тоже, а ведь был бы тестем двух королей. Скромник, чтоб ему! Да, учти, что Гортензия родилась через четыре года после твоего тогдашнего исчезновения, не забудь об этом и не пытайся сказать что-то вроде «мы с Сен-Маром...», посчитают идиоткой.

– А что тут было?

Сестра предостерегающе подняла руку:

– Потом расскажу, когда ты будешь в состоянии держать себя в руках. Пока просто выброси все из головы. Слышишь?

Я только кивнула. Мари права, я могу забыться.

Во время обеда я сидела, словно глухонемая, пытаюсь понять, что изменилось в правилах этикета с тех пор, как я бывала здесь, кто вокруг меня, каковы взаимоотношения сестер, кто есть кто. Это оказалось не так трудно, правила не изменились, разве что мода немного, сестры между собой недружны, Марианна, которой всего девятый год, мнит себя взрослой и сует свой

нос не в свои дела, гувернантка мадам Венель крайне занудная особа, от которой следует держаться подальше, как и от младшей сестрицы, ввиду их крайней прозорливости...

Остальное еще не забылось – те же запахи, звуки, привычки, глупости...

«Выживу», – решила я. Конечно, больше всего хотелось увидеть Людовика де Меркера и поговорить с Мари наедине и обстоятельно. Первое удалось не скоро, второе сразу после обеда. Мари попросту прогнала Марианну, и мы остались вдвоем. Я услышала еще немало интересного и удивительного, прежде всего о планируемом браке короля Людовика XIV и матримониальных планах Мари.

– Да, идут разговоры о том, что Луи должен жениться на испанке, Анна Австрийская спит и видит будущей королевой свою племянницу, испанскую инфанту. Но им этого не видать. Король влюблен, и я его страстью воспользуюсь.

– То есть?

– Его Величество влюблен в меня, я верчу им, как пожелаю. И женится он на мне. Так что перед тобой будущая королева Франции, будь добра присесть пониже и быть повежливей.

Услышав столь самонадеянные рассуждения, я ахнула:

– Ты с ума сошла?! Людовик был женат на испанской инфанте Марии-Терезии Габсбургской.

Она усмехнулась:

– Это в твоём мире.

– А... в твоём? – в моё сердце заполз неприятный холодок. Арман говорил, что ничего менять нельзя, иначе возвращаться будет некуда.

– А в моём такого короля не было вообще, потому лично мне позволительно крутить с ним роман и даже женить на себе. Ты мне поможешь?

– Нет! Тогда я не смогу вернуться.

– Не бойся, ты уйдёшь раньше. Когда там должна состояться свадьба с этой испанской толстухой?

– Кажется, в середине 1660 года. Я точно не помню дату. Мари, разве обязательно устраивать эту свадьбу, король вполне может иметь фаворитку, ты же являешься ею? К чему тебе эти королевские обязанности?

– Анна Австрийская не посмела бы и слова сказать против меня, будь я королевой или официальной невестой короля.

– Мари... если в твоём мире не было Короля-Солнце, то что же было?

– Король-Солнце? Это...

– Это Людовик. Он станет сиятельным королем, будет править очень долго – семьдесят два года, превратив Францию в блистательное государство, будет законодателем моды во всем мире.

– Ух ты! А Мария Манчини?

– Я, конечно, помню не очень хорошо, но Мария Манчини вышла замуж за герцога Колонна, потом, – я тихонько хихикнула, – сбежала от мужа и прожила много лет в испанском монастыре и, кажется, в Италии после смерти супруга. А у короля Людовика было множество фавориток, его жена Мария-Терезия жила на задворках Лувра. Кстати, королевской резиденцией станет Версаль.

– Там же лес и болото!

И снова я хихикнула:

– Помню, я бывала там с Людовиком XIII в его охотничьем домике. Но наш Луи превратит этот домик и окрестности в блистательнейший дворец, введет огромное количество правил этикета и станет абсолютным монархом. А еще у него будет много фавориток и внебрачных детей. Наследует ему правнук, потому что и сын, и даже внуки долго не проживут. Следующий

король – Людовик XV – будет так же красив и любвеобилен. А вот его внуку Людовику XVI не повезет – отрубят голову во время Великой Французской революции.

Мы впервые разговаривали с Мари о том, что будет впереди, если не вмешиваться. По проявленному ею интересу я поняла, что в ее мире история и впрямь развивалась иначе.

Я рассказывала и рассказывала все, что помнила, заметив, что при упоминании о Соединенных Штатах Америки брови Мари чуть приподнялись.

– Ты... Мари, в твоём мире не было Соединенных Штатов Америки?

– Что такое Соединенные Штаты Америки?

– Северная и Южная Америка – огромные континенты в Западном полушарии...

Я была растеряна. О, Господи! Неужели возможно, чтобы история человечества развивалась по совсем иному пути?!

– А, Новый Свет... У нас это территория Большой Испании и Свении.

– К-как?!

Она рассмеялась:

– Какая разница?

Но я уже не могла остановиться:

– Мари, в твоём мире что за страны в Западном полушарии, они сильны?

– Да, очень. Большая Испания и Свения. Пиренейский полуостров всего лишь провинция Большой Испании.

– А Свения?

– Там испанцев мало, там больше людей севера, потому что совсем холодно.

– Англичан?

– Нет, Англии хватает своих забот, она занимается Европой.

– О, Боже! В каком веке произошла эта развилка? Ты не знаешь?

– Думаю, таких развилок бесконечное множество, никто не знает, к чему приведет каждая, даже самая маленькая. В моем мире не было вашей Жанны д'Арк, а значит, Франция оказалась разделенной на три, даже на четыре части – северную забрали себе англичане, Бургундия расширила владения и осталась самостоятельной, юг отошел к Испании, которая, впрочем, прирастала совсем иным – новым континентом. А Франция... Буржскому королю Карлу осталась территории Южной Луары, не очень много, но он большего не стоил. Вот тебе и развилка между моим и твоим миром.

– А когда ты не сумела вернуться?

– Вот тогда и не сумела. Пожалела юную девчонку, которую потом все равно сожгли на костре. – Она невесело рассмеялась. – А ведь должна была заманить ее в ловушку, чтобы не лезла к королю. Видишь, как опасно даже просто жалеть деревенских дурочек, которые могут оказаться национальными героинями.

– Мари, – усомнилась я, – в прошлый раз ты сказала, что за сто лет многих, присланных Арманом, повидала. Это я хорошо помню.

– Да, Арман стал прибегать к моей помощи лет сто назад, вернее, теперь уже больше. До тебя были трое, все благополучно вернулись, хотя мне помогали.

– Они все из моего мира?

– Нет, все из разных. Потому я и спрашиваю тебя об истории твоего мира. Это один из вариантов дальнейшего развития.

– Множественность миров...

Даже дух захватило от этой мысли. Но тут я сообразила:

– А Арман, он может бывать во всех этих мирах? Я встретила с ним на улице Вожирар в Париже моего мира.

Мари отрицательно покачала головой:

– На вопросы об Армане не отвечаю. Могу сказать одно: он Страж перехода, сильный Страж. Но мне даже он не смог помешать изменить мир, в который я попала, – Мари усмехнулась, – а вот теперь мешает менять дальше. Будь осторожна, я не знаю его целей и пределов его возможностей.

– Ты уверена, что все остальные мои предшественницы возвращались обратно?

– Нет, две ушли куда-то в прошлое. А одна, кажется, вернулась к себе, но в тот мир я бы не хотела попасть даже принудительно.

– Почему?

– Там катастрофа мирового масштаба. Не спрашивай какая, я могу говорить только о своем мире.

– А кем они были при тебе?

– Как и ты – родственницами. Хватит уже об этом. Я не могу вернуться в свое время, но ты можешь немного помочь мне в этом до того, как уйдешь. Ты уйдешь, а я останусь. Не знаю, лучше твой мир или нет, но мне предстоит жить в этом, и мне совсем не нравится перспектива выходить замуж за какого-то герцога Колонна и сбегать от мужа. Я хочу стать королевой. Помоги мне переиграть королеву и кардинала и уходи, а я останусь в этом новом мире, который не твой и не мой.

Потом я не раз пыталась завести разговор о ее мире и о мирах тех, с кем она общалась до меня.

Мари очень неохотно рассказывала, но выяснились просто потрясающие вещи. Сама моя соратница попала в этот мир в самом начале пятнадцатого века, до того у них было все, как у нас, но потом... Я не могла поверить, что может не быть Колумба, президента Вашингтона, Гитлера, в Париже нет Эйфелевой башни, что Европа совсем иная, но главное – может не быть нашего Людовика, Короля-Солнце.

Постепенно поняла, что Мари права, и об этом лучше не задумываться, иначе можно попросту свихнуться от сознания, что малейший твой собственный шаг может все изменить в будущем. Бывали минуты, когда я жалела о том, что не послушала Армана и шагнула через дверь в третий раз. С другой стороны, в прошлый раз я отнюдь не была паинькой, хотя выполняла задание Армана – сорвать заговор Сен-Мара. Но ведь помимо заговора у меня был бурный роман с Людовиком герцогом де Меркером. Это не помешало нужному течению истории. Я и сейчас не намерена ничего менять, вот увижусь с Луи де Меркером и немедленно обратно, пока не натворила чего-нибудь, что приведет к радикальным изменениям, пока я еще в том прошлом, которое соответствует моему будущему.

– Мари, мне нужно увидеться с Людовиком де Меркером, ты же знаешь. Он может уехать в свой Прованс, гоняйся потом!

Она кивнула:

– Завтра. Герцог де Меркер обычно обедает у нас по четвергам, кстати, для тебя удобно, потому что кардинала всю неделю не будет дома, он занят испанцами. Не хочу тебя разочаровать, – она поправила роскошное кружево на плечах, вернее, вокруг них, повернувшись к зеркалу боком, – но герцог явно не в себе и строго блюдет траур по нашей старшей сестрице, несмотря на то, что прошло уже много времени. Зачем он тебе?

Я только пожала плечами, не зная, что ответить. И правда, зачем мне Людовик герцог де Меркер? Убедиться, что он жив-здоров? Но это Мари мне уже подтвердила. Что он меня забыл? Стоило ли ради такого переходить из своего века в этот? А если не забыл и узнает в новом обличье сердцем или просто будет очарован? Не об этом ли спрашивал меня Арман? Теперь я спрашивала сама себя и ответа не находила.

Мари поинтересовалась тем же:

– Ты надеешься, что он тебя узнает вот в таком виде или что влюбится просто так? Зачем тебе? Герцог де Меркер не самая завидная партия, один наш племянничек Луи, его старший сын, чего стоит!

– Почему?

– Потому что поросенок. Пока поросенок, но обещает стать настоящей свиньей. Слушай, в твоём мире свиньи есть?

– Конечно.

Постепенно у нас с ней входило в привычку интересоваться, есть ли что-то в моем или ее мире. Вообще-то, опасная привычка, наша собственная сестрица Марианна могла что-то заподозрить. Ох и противная особа!

Я пожалала плечами:

– Мари, я же не собираюсь за него замуж и не намерена воспитывать этого поросенка. Кстати, свиньей он действительно станет. Как и выдающимся полководцем.

– Что?

– Да, и они будут воевать с сыном Олимпии Евгением. Если, конечно, я ничего не путаю.

– Путаешь! У Олимпии нет такого сына, а если будет, то он никогда не пойдет против Франции.

Я не стала говорить, что пойдет, потому что Евгению Савойскому во Франции не найдется дела, но нас это не касалось, к тому же это дело не ближайшего будущего. Да, пожалуй, мне стоит одним глазком взглянуть на теперь уже не моего Луи, и сразу обратно.

Ну почему я не выполнила данного себе обещания? Все сложилось бы иначе. Хотя сейчас я не жалею ни в малейшей степени, потому что тогда не было бы нашей страстной любви с... Нет, надо все по порядку, потому что следующие события нескольких десятков лет вполне достойны многотомного романа.

Людовик герцог де Меркер и впрямь посетил наше далеко не скромное жилище на следующий день.

Мари кивнула на окно, откуда доносился стук подъезжающего экипажа:

– Твой герцог.

Я почувствовала, как перехватило дыхание. Неужели я сейчас увижу Луи?! Узнает ли он меня, подскажет ли сердце, что под оболочкой красивой юной брюнетки, его родственницы, та самая блондинка Анна де Плесси, которую он спасал от посланников Марии Гонзага, а потом ночью жарко ласкал в дорожной таверне? Как я объясню, куда исчезла больше чем через полтора десятилетия и почему сейчас выгляжу не просто иначе, но куда моложе, чем тогда?

Арман прав, нельзя было совать нос сюда, но отказать себе в возможности снова поймать взгляд насмешливых серо-голубых глаз, услышать волнующий голос, случайно оказавшись рядом, попросту вдохнуть его запах...

Сама себе не признавалась, но в глубине души понимала, что если он отзовется, даже не вспомнит Анну де Плесси, а влюбится в сестру своей умершей жены Лауры Гортензию, то есть меня нынешнюю, я нарушу все запреты, забуду все предупреждения и останусь. Мари же выжила, выживу и я тоже.

Дело за малым – услышать слова любви от герцога де Меркера.

У меня буквально дрожали колени, когда я смотрела, как герцог поднимается по ступеням дворца, трудно было не выдать свое волнение внешне. Удивительно, но положение спасла... противная Марианна, которая ехидно прошипела рядом:

– Чего это ты на него уставилась?

Ее ехидство помогло мне встряхнуться и взять себя в руки.

– Пытаюсь понять, что такого нашла в нем сестра...

Девятилетняя ехидина дернула плечиком:

– Говорят, раньше он был куда симпатичней.

А еще считается, что Мари ведет себя слишком вольно, а я ей подражаю. Послушали бы эту! Насколько я помню, она будет замешана в деле об отравлениях. Весьма похоже, такая вполне сможет отравить собственного супруга, и не одного его.

Но в следующее мгновение я забыла не только о будущем младшей сестры, но и о самом ее существовании. Хотя с замечанием Марианны была согласна – раньше герцог де Меркер выглядел несколько иначе.

Это для меня прошла пара недель, которые мало что меняют в облике, конечно, если человек не вываливается из самолета без парашюта, не попадает в дикую аварию и не испытывает другого смертельного потрясения. Для Людовика герцога де Меркера прошли шестнадцать лет, за время которых он был счастлив с моей тутошной сестрой, произвел на свет троих мальчишек и пережил смерть любимой супруги. Эта смерть полтора года назад по местному времени и подкосила красавца, вдруг устремившегося в лоно церкви и решившего стать кардиналом. Пока он прелат при французском дворе. Однако...

В тот момент время попросту остановилось. Я смотрела во все глаза и видела перед собой страшно уставшего, смирившегося с судьбой пожилого (какой кошмар!) человека в седом парике и с сеткой морщин вокруг глаз. Где насмешливый блеск в них?! Где легкость движений человека, который учил меня фехтовать, время от времени протягивая руку, чтобы поднять с пола, когда я шлепалась на свой зад, набивая синяки?

Нет, он не отяжелел, не растолстел, даже не сгорбился, Людовик как-то потух...

Мелькнула шальная мысль, что смогу его разбудить, вернуть к жизни. Кардинал... глупости, какой из Меркера кардинал, вот любовник что надо, а прелат... Надежда дает силы любому, моя надежда придала мне уверенности, я была готова броситься на шею герцогу, но меня опередила Мари:

– Герцог, мы рады вас видеть!

– Мадам...

Он просто поклонился нам, никого не выделяя и не взглянув! Я испытала второй шок за несколько минут. И снова прийти в себя помогла младшая сестра, прошипевшая:

– Вечно она лезет вперед! Ей-то что?

Машинально еще раз отметив, что сестрицы не дружат, я поинтересовалась:

– А тебе?

– Словно ты не знаешь, что я хочу выйти за него замуж! Если он, конечно, не наденет кардинальскую шапку.

– С ума сошла? Ты ему во внучки годишься.

– Лаура говорила, что он потрясающий любовник. Такое с годами не теряют.

Я могла бы и сама это подтвердить, но сейчас фыркнула:

– Тебе говорила?

– Нет, Олимпии, а я слышала.

– Сколько тебе было лет? – я просто ужаснулась, сообразив, что Лаура умерла полтора года назад, а Марианне сейчас девять.

– У тебя память отшибло? Я же рассказывала.

Сестренка рванула вперед следом за Марией и Людовиком де Меркером, которые обсуждали планы обучения сыновей герцога. Мари что, намерена участвовать в их воспитании? А как же любовь короля и намерение стать королевой? О, женская непостоянность... На мгновение мне показалось, что она готова очаровать и герцога тоже. Назло мне?

Но это все было неважно, главное – Луи меня попросту не заметил. Пока не заметил. А как же иначе, ведь Гортензия Манчини, в оболочке которой я теперь находилась, родилась через семь лет после нашей прошлой встречи. Я для Людовика де Меркера просто малышка, нечто вроде вон Марианны, которая старательно лезет ему на глаза.

И снова сестричка мне помогла очухаться и понять, что так же мельтешить не стоит, эффект будет обратным тому, на который я надеюсь.

А Марианну уже одергивала наша гувернантка мадам Венель. Как хорошо, что я не повторила ошибку Марианны. Заработать снисходительный взгляд герцога было бы слишком обидно. Ладно, я привлеку его внимание постепенно, только бы это постепенно не растянулось на месяцы, а то и впрямь слиняет в свой Прованс.

И все же наступило мгновение, когда наши взгляды встретились. Не представляю, что было в моих глазах, но взгляд Луи стал чуть удивленным. Боже мой! В то мгновение мне показалось, что удивление из-за того, что он меня узнал! Даже в облике очень красивой черноглазой девочки узнал ту голубоглазую блондинку, которую обнимал в лесу и в Малом Люксембургском дворце.

Но уже в следующее мгновение я осознала, что изумление герцога вызвано моей реакцией на его фразу о кардинальской шапке. Полагаю, Мари нарочно завела об этом разговор, он что-то сказал, а я воскликнула:

– Зачем вам шапка кардинала? Это так скучно.

– Дитя мое, годы, когда мне требовалось веселье, уже прошли. Пора подумать и о вечном.

Я попросту прикусила язык, чтобы не заорать во все горло:

– Луи, вы с ума сошли, мысли о вечном в сорок шесть лет?!

Но в то мгновение осознала другое: он воспринимает меня как маленькую девочку сродни Марианне, посмотреть на которую как на женщину ему попросту не приходит в голову.

Пришлось считать до двадцати, незаметно поглубже вдыхать и выдыхать, и уговаривать себя, что все еще впереди, что Луи еще поймет, чего я стою.

Скучный чинный обед, который не скрашивали даже попытки этой нимфетки Марианны выглядеть взрослой дамой. Из-за претензии на взрослость сестрица была смешна.

– Герцог, вы будете завтра на танцевальном вечере? – Мари сама любезность, собственно, она тут за старшую, ей положено вести никчемные светские диалоги. Я пока помолчу.

– Я не танцую, мадам, вы же знаете.

Голос герцога мягок, от этого еще более волнующ, с младшими родственницами своей умершей супруги он обращается как с несмышленицами. Возможно, мы с Марианной такими и являемся, но Мари-то уже девятнадцать, она фаворитка короля, почему с ней покровительственный тон? Потом я поняла – он уже мысленно примерял на себя кардинальскую шапку и полагающееся к ней покровительственное отношение ко всем, особенно к юным прекрасным дамам.

– Но разве обязательно танцевать?

К окончанию обеда, за время которого герцог де Меркер так и не проявил к моей персоне ни малейшего интереса (хвалю себя, что не старалась привлечь его титаническими усилиями), Мари все же выбила из родственника обещание побывать на танцевальном вечере, который король устраивал для своей фаворитки, то есть моей сестры Марии Манчини.

– Ну, и как тебе новый герцог?

– Мари, он теперь всегда такой?

– Какой? – глаза Мари лукаво сверкнули. – Скучный? Я тебя предупреждала. Кстати, в его излишнем смирении есть и твоя вина. Подкосило герцога твое тогдашнее исчезновение.

– А что ты ему тогда сказала?

Мари пожала плечами, явно пряча от меня глаза.

– Что ты уехала к своему мужу в Испанию, от которого попросту скрывалась в моем доме.

Я не успела отреагировать, она начала защищаться:

– А что я, по-твоему, должна была всем объяснять?!

Пришлось поднимать руки в знак примирения:

– Я тебя не виню. Ладно, герцога разбудим...

– А это тебе зачем?! Оставь Меркера вон Марианне, спит и видит себя в его постели, тебе он вовсе ни к чему.

– А Марианне он зачем? Как ты себе это представляешь? Слушай, ей всего девять, не рановато ли о постелях герцогов думать?

– Ревнуешь? В твоём мире девять – это слишком рано?

– А в твоём? – я ответила вопросом на вопрос.

– В моём в самый раз. Замуж выходят в тринадцать, как и сейчас. Ну, а мечтать об этом начинают, когда грудь ещё только появляется. Что в этом плохого?

– А в тридцать старуха?

– Не старуха, но матрона с первыми внуками. Замужество в пятнадцать вполне нормально.

– Неважно, расскажи лучше о предстоящем вечере. Я должна там быть?

– А как же?! Чего ради я добивалась от твоего Луи обещания быть у Месье? Пойдем, посмотрим, что ты наденешь.

– Обойдемся без твоих советов! – это было сказано надоедливой Марианне, когда та попыталась влезть с замечаниями по поводу наших нарядов.

Пока выбирали платья и украшения к ним, Мари объяснила, что предстоит вечер в Большом Люксембурге у Месье и Великой Мадемуазель, которые не так уж давно вернулись из ссылки в Париж. Вечер считается скромным и почти домашним, это означает присутствие всего-то сотни (!) гостей, мы благодаря дядюшке-кардиналу в их числе. Будут Его Величество и Ее Величество. Это накладывает определенный отпечаток, прежде всего, резко повышает ценность приглашения. Герцог де Меркер будет, обещал.

– Посмотришь, каков теперь Людовик.

– Я же его видела?

– Кого?

– Луи.

Мари рассмеялась:

– Я не о Меркере речь веду, а о короле. Ты же его видела ребенком, а теперь это рослый красавец, от которого не оторвать глаз.

Двор или задворки?

Дворец ярко освещен тысячами свечей от крыши до подвала, слуги в ливреях пурпурного цвета в честь Их Величеств, одна за другой подъезжали кареты приглашенных придворных. Гастон Орлеанский, праздновавший свой день рождения, утверждал, что намерен устроить «небольшую почти семейную пирушку», что придавало дополнительный вес каждому приглашению. Каждый следующий гость или гостья придирчиво оглядывали уже прибывших и вновь прибывающих. Смешно, но мне казалось, что о виновнике торжества практически забыли, его приветствовали мимоходом, для гостей понять, кто приглашен, а кто нет, – это поважней самого хозяина.

Несомненно, Гастон Орлеанский очень похож на своего старшего брата – короля Людовика XIII, у меня даже сердце защемило, так живо он напомнил мне Луи XIII. Разве что старый...

– Мари, сколько лет Месье?

– Сейчас посчитаем... Он родился в апреле 1608-го, значит, пятьдесят один.

– Сколько?!

Нет, разные заговоры и Фронда не пошли на пользу дядюшке нашего нынешнего Людовика, Гастон Орлеанский в свои полсотни лет выглядел сушей развалиной.

Старший Месье (это брат короля Гастон Орлеанский) решил показать, что и он чего-то стоит, и устроил праздник в Люксембургском дворце.

О бедном Месье стоит сказать отдельно. Если бывают невезучие люди, то это именно Гастон. Быть всю жизнь вторым очень тяжело, это значит всю жизнь ждать и надеяться, но так ничего и не получить. Второй сын Генриха IV и Марии Медичи (еще один умер в детстве) всегда был крепче своего брата Луи, но братец, обладавший букетом болячек и имевший крайне слабое здоровье, стал королем Людовиком XIII. Гастон же всю жизнь бунтовал, устраивал совершенно бездарные заговоры или просто участвовал в таковых, всегда сдавал своих соратников, за что бывал братом-королем прощен. Один из таких нелепых заговоров против кардинала Ришелье – заговор Сен-Мара – разваливала лично я во время своего предыдущего визита в XVII век.

Но еще больше Месье не везло в личной жизни, первый его брак с Марией де Бурбон, герцогиней де Монпансье, заключенный по воле кардинала Ришелье, принес Гастону только дочь и огромное состояние, жена умерла при родах. Второй брак с Маргаритой де Лоррен он заключал дважды – первый раз тайно вопреки воле короля, второй уже с его разрешения. Но главное, у Гастона Орлеанского не было сыновей, вернее, первая супруга родила дочь Анну Марию Луизу, вторая – четырех дочерей и сына, умершего сразу после рождения. Правда, у его старшего брата Людовика XIII их не было тоже слишком долго, целых двадцать три года брака. Это питало надежды Месье, ведь в отсутствие у короля наследников-сыновей именно он, брат короля, становился наследником трона. А потом королева одного за другим родила Людовика и Филиппа. Гастон Орлеанский потерял всякую надежду на трон, кроме одной – стать тестем нового короля.

Именно срыв заговора Сен-Мара не позволил ему стать регентом при маленьком короле Людовике XIV после смерти его отца Людовика XIII, а потом рухнули и надежды женить племянника на одной из своих дочерей.

Дочери Гастона Орлеанского не просто не дружили между собой, но были способны перегрызть друг дружке горло. Заправляла всей этой дамской камарильей дома Месье Великая Мадемуазель – старшая из дочерей королевского дяди. Наверняка сам Месье именно с ней и связывал свои надежды на будущее, ведь Великая Мадемуазель когда-то твердо решила выйти

замуж за своего кузена Людовика, ставшего королем в пять лет. Кузина была гораздо старше брата Луи, но это в расчет не принималось, как и чаяния самого Людовика. Дородная принцесса, давно вошедшая в зрелый возраст, воспринимала юного Луи как свое обязательное приложение, а себя мнила королевой. Ее не смущало фрондерское прошлое и то, что ее саму вернули ко двору всего пару лет назад, Анна Мария Луиза относилась к изменам и заговорам так же легко, как ее отец, не считая их препятствием для семейной идиллии.

Потому разговоры о возможной женитьбе Людовика на испанской инфанте Марии-Терезии, племяннице королевы Анны Австрийской (ее брат Филипп правил в Испании), приводили в ярость и Великую Мадемуазель, и Гастона Орлеанского. Сам Гастон уже стар и немощен, но Мадемуазель... О, она вовсе не была готова так просто отказаться от мечты стать королевой.

Невольно Великая Мадемуазель играла эту роль хотя бы в своем дворце, забыв о том, что принимает у себя не только двоюродного брата Луи, но прежде всего его мать – королеву Анну Австрийскую. Крайне опасная забывчивость, из тех, что Ее Величество не прощает. Играть королеву перед слугами одно, но играть королеву перед королевой – совсем иное.

Предупредить бы Великую Мадемуазель об ошибке, ведь мне было даже жаль толстуху, она не со зла, она просто забылась, но Мари так зашипела, что я прикусила язык. Верно, какое мне дело, если я завтра возвращаюсь домой?

Я приняла твердое решение вернуться, ведь герцог де Меркер так и не узнал меня, надеяться просто понравиться ему не стоило, к тому же глупо, ведь будущего у нас с ним просто не могло быть. Да, вот только побуду на сегодняшнем празднике, и домой.

Что было бы, не отправься я в Люксембургский дворец? Вся моя жизнь сложилась бы иначе, но... История не терпит сослагательного наклонения, уж в этом-то я смогла убедиться сполна. Я поехала вместе с Мари в Люксембург.

Во время прошлого моего пребывания мы жили в Малом Люксембурге, а Великая Мадемуазель правила бал в Большом, правильно, дородной принцессе была бы просто мала, например, моя спальня Малого Люксембурга, да и вообще у нее размах королевский.

XVII век в Европе насквозь пронизан, пропитан и пропах пылью и фальшью. Во Франции уж определено. Хорошо, что я не страдаю от аллергии на пыль – погибла бы от отека легких. Притом что у них нет асфальтированных дорог и выхлопных газов автомобилей, пылью пропахло все – одежда, гобелены, многочисленные ткани драпировок, занавеси, шляпы и перья на них, парики, подушки, матрасы... Пылью и потом – людским, конским, псыным.

А фальшь в первую очередь при дворе. Нет, я не об отношениях, где улыбка с сомкнутыми губами, за которыми прячутся не только гнилые пеньки зубов, но куда больше зависти и даже ненависти. Я о дурацком стремлении заменить роскошную, еще не испорченную деятельностью человечества природу ее жалкой копией, нарисованной на пыльном холсте.

Имея прямо в замке очаровательный пейзаж с рекой и лугом на другом берегу, освещенный закатным солнцем, подкрашивающим края небольших облаков, зачем, спрашивается, рисовать на заднике сцены убогое подобие этой же реки и заставлять двух слуг старательно махать полотнищем голубой ткани для создания иллюзии волн на воде?

Таких примеров множество. В клетках золотые заводные соловьи даже в мае, когда настоящие выводят свои трели за каждым окном. В кадках позолоченные деревья, даже если эти кадки выставлены на лестнице, ведущей в сад. Конечно, регулярные сады хороши, хотя их пока немного, Людовик не отстроил свой Версаль, да и Во-ле-Виконт Фуке еще возводит, эпоха выровненных по нитке садов впереди.

Декорации королевских балетов изображают ту же природу, что за окном, но страшно фальшиво. А им нравится...

Как нравятся балльные танцы с нелепыми подскоками. «Ах, как ловок маркиз, вы только посмотрите!» Это означает, что при смене позиции маркиз скакнул как настоящий козел, пере-

пуганный чем-то до смерти. «Герцогиня N так изящно движется в танце и так мила...» Значит, затянута в корсет дебелая тумба сделала полтора поклона и повела красивой ручкой, не меняя выражения лица, на которое еще при входе была надета маска удовольствия.

Приветливы? О да, как кобры, поднявшиеся в стойку перед броском. Милы? Да! «Убью как собаку!» – прошипят сквозь губы, раздвинутые в улыбке. У изящных пальчиков способны выдвигаться стальные когти, а гнилые пеньки зубов мгновенно превращаться в смертоносные клыки. Паноптикум!

Конечно, все это образно, но суть такова. Верить нельзя ни улыбкам, ни словам, ни взглядам. Нельзя верить нарисованной на холсте жизни, заводным золотым соловьям, фазанам из марципана и всему, что видишь вокруг. Мужчины в кружевах, побрякушках, с пудренными лицами, помадой на губах и мушками, прикрывающими прыщи. Мушек пока немного, мода на них еще не поголовная, но они есть, главное – у мужчин.

Брат короля Младший Месье Филипп женственен настолько, что даже если бы не знала о его связи с нашим братцем, тоже Филиппом, герцогом де Невером, все равно заподозрила бы содомию. Мне все равно, пусть спит (или не спит) с кем угодно, хотя однополые браки для этих мест понятие неведомое. Но у всех поголовно мужчин наряды более женственные, чем у самих женщин.

У женщин главное – декольте (тут я могу дать фору всем остальным, вернее, не я, а Гортензия Манчини), то есть шея, плечи, грудь. Грудь круглый год видна в декольте почти полностью, от этого знобко, но дамы терпят. А еще руки, тут фору всем даст королева. У Анны Австрийской действительно очень красивые руки, за которыми Ее Величество ухаживает куда больше, чем за всем остальным, вместе взятым. Ходят слухи, что на ночь надевает тонкие перчатки, пропитанные маслами.

Что тут возразишь? Правильно делает.

На балах танцы начинает король, обычно он идет в первой паре с хозяйкой либо самой влиятельной дамой, а уж потом остальные. Иметь честь пройти в первой десятке – это блеск и надежда многих. Но если вечер вот такой – «семейный» – и Его Величества пока нет, можно потанцевать с тем, кто симпатичен или необходим в данный момент.

Я крутила головой, впитывая впечатления и пытаюсь понять, кто есть кто. Казалось, все на одно лицо, да и лица терялись среди париков.

Мари, прикрыв нижнюю половину лица веером, прошептала:

– К нам приближается твой поклонник Карл Эммануил герцог Савойский. Не делай слишком больших авансов, дядюшка против этого романа, да и ты не слишком к нему расположена.

Я также прикрылась веером:

– Я ему ничего случайно не обещала?

Мария тихонько рассмеялась:

– Тебе лучше знать.

Я смотрела на длинноносого краснощекого молодого человека и судорожно пыталась вспомнить что-то о его персоне. Карл Эммануил Савойский как-то выпал из моего поля зрения в нормальном современном Париже. Как я буду общаться с ним здесь?

Выручила Мари: отвернувшись к герцогу вполоборота, она за веером (хвала веерам, подозреваю, что их придумали вовсе не из-за духоты, а ради возможности вот так укрыться от любопытных глаз) быстро давала мне наставления:

– За него в Турине правит мать – Кристина Французская, младшая сестра Людовика XIII, ты должна ее помнить.

Я не помнила, да и сейчас меня больше интересовал сынок. Мамаша далеко, а вот что я буду делать с этим краснощеким крепышом?

– Если хочешь стать герцогиней Савойской, то вперед, хотя Кристина Французская держит власть крепко, – успела усмехнуться Мари, уже протягивая руку для поцелуя.

Я не хотела, но не приветствовать герцога Савойского не могла. Карл принял мою руку как нечто бесценное:

– Мадам, я боялся не увидеть вас сегодня. Вы танцуете?

Выручила Мари, она заговорщически поведала моему поклоннику:

– Скажу по секрету: Гортензия подвернула ногу, потому сегодня постоит в сторонке.

Герцог выразил безграничное сожаление и уверенность, что мои страдания не продлятся долго. Я с ним согласилась, очень хотелось потанцевать, ведь в свой прошлый визит в Париж XVII века именно на балах я и не бывала, моя наставница Мари не позволила. Удалось, правда, блеснуть в салоне мадам Рамбуйе, но там без танцев, блеснула исключительно благодаря знанию произведений господина Шекспира.

В плотной толпе гостей легче затеряться, чем мы с Мари и воспользовались: она – чтобы дожидаться появления короля, не привлекая к себе особого внимания, я – чтобы высмотреть Людовика де Меркера. Не могла же я уйти, не повидавшись с ним еще раз! Уверенности, что герцог будет на приеме, не было, но надежда была.

Я увидела Людовика де Меркера!

– Мари, смотри, герцог де Меркер?

Она насмешливо покосилась на меня:

– Ты еще на что-то надеешься?

– Нет, просто хочу посмотреть на него еще раз.

– Чтобы унести светлый образ с собой в будущее? Смотри, только недолго, приехала королева. Надеюсь, она не одна?

К величайшему сожалению Мари, Ее Величество прибыла без короля, у Его Величества оказался флюс, и он предпочел не пугать придворных распухшей щекой. Редкий случай, когда Мари, Месье и Великая Мадемуазель были солидарны в своих чувствах.

А мне наплевать, я осторожно следила взглядом за герцогом де Меркером. Только бы не ушел раньше времени, мне так хотелось поговорить с Людовиком, в последний раз услышать его волнующий голос... Но Мари уже тащила меня в сторону, да и сам герцог куда-то исчез.

Не надо иметь семи пядей во лбу, чтобы заметить неприязнь, которую питала королева к Месье, слишком эта неприязнь была откровенной. На вопрос почему Мари пожалала плечами:

– У него дурной язык и неуместные шуточки. Умудрился пошутить, что видел, как Людовик появился из утробы Анны Австрийской, но не видел, как он туда попал. Шутка гуляла при дворе до тех пор, пока не родился Филипп. Остальные, может, и забыли, если бы об этой гадости не помнила сама королева. Она до сих пор сердита на все семейство Месье, потому что все помнят его грязную шутку, но Ее Величество думает, что все помнят просто потому, что помнят, и злится все сильнее.

– Замкнутый круг...

– Для Месье и Мадемуазель это не круг, а петля. Кстати, она страстно желала выйти замуж за твоего Карла.

– Какого, у меня их трое?

– Английского.

Мне безразличен английский король в изгнании Карл (хотя он симпатичный), к тому же я завтра должна уйти, но после такого сообщения стала вдруг очень неприятна сама Великая Мадемуазель. Почему эта буйно активная толстуха считает себя вправе посягать на наших с Мари поклонников? Она – дочь Месье и богатенькой Монпансье? Это не все, нужно еще иметь голову на плечах, мозги в этой голове, внешность и приличные манеры.

Из всего перечисленного, на мой взгляд, у дочери Гастона Орлеанского не имелось ничего. Дородная тетка, годившаяся мне в мамы (она старше Гортензии лет на девятнадцать), вела себя крайне самонадеянно и вульгарно, столь же вульгарно одета (обвешана драгоценностями от макушки до пят и разукрашена перьями куда больше, чем лошади парадной королевской кареты), а о ее уме я бы даже не взялась рассуждать, только крайне самонадеянная идиотка могла сначала приказать пушкам палить в сторону королевских войск, а потом мечтать о том, что король на ней женится. Вот и сейчас ей больше тридцати, но эта бой-баба все еще лелеет надежду понравиться кому-то живьем, а не деньгами.

– Почему она не дружит с остальными сестрами?

– Они ей сестры по отцу, Мадемуазель считает сводных сестер дурно воспитанными.

Я невольно фыркнула, поспешно спрятавшись за все тем же веером. Мари недовольно покосилась:

– Осторожней с веером. Ты выучила язык веера?

– Выучила, – вздохнула я, хотя это было не так. Надо и впрямь осторожно, не то можно невзначай объясниться в любви кому-нибудь вроде этого Месье, расхлебывай потом. Каждое движение веера, каждый жест означал что-то определенное, открыть-закрыть, прикоснуться закрытым веером к правой щеке или к левой, сделать отвращающий жест или, напротив, жест к себе... Нет, лучше его закрыть и забыть о существовании, а свои мысли держать при себе до возвращения домой. Не просто в наш дворец, а совсем домой.

Но что-то подсказывало мне, что этой ночью я не вернусь во флигелек на улице Вожирар. Почему? Не знаю, интуиция обещала какие-то значимые события.

К моему несчастью, за первым туром танцев последовал ужин, якобы легкий и почти семейный (человек на сто всего-то!). Одна мысль о том, что мне предстоит увидеть и услышать в следующие часы, вызывала тошноту.

– Не стоило приходить...

Мари поморщилась в ответ на мое замечание:

– Терпи, не то решат, что ты беременна.

Вообще-то, стол был роскошен: перепела и куропатки, тетерева и голуби, фазаны и цесарки, фаршированные зайцы, жаркое из козленка, оленина, кабаньи головы, телячьи ножки, приготовленные каким-то особым способом, самая разная рыба, устрицы, моллюски, немислимое количество супов и закусок, огромные вазы с фруктами, пирожными, марципановыми фигурами, вино, компоты, мороженое, быстро начавшее таять...

Но, заметив, что слуга, подававший тарелку с супом сидевшему напротив кавалеру, умудрился окунуть в него палец, я быстро от блюда отказалась, хотя уверенности, что все остальное приготовлено с соблюдением санитарных норм (каких?!), у меня не было. Нет, лучше не думать и постараться, чтобы никто не заметил, что я не ем. А еще лучше просто взять виноград или кусочек дыни и жевать потихоньку.

Я так и поступила.

А вокруг меня разодетые и обвешанные драгоценностями придворные с шумом втягивали в себя устриц, спокойно вытирали руки о скатерть, разговаривали и даже смеялись с открытыми ртами, ковыряли вилками в зубах... Кроме того, во дворцах никакой вентиляции, а потому смесь запахов была просто ужасающей. Вино, рыба, устрицы, жаркое, соусы, чеснок, лук, многочисленные приправы и сладости и над всем этим запах пота, духов и анисовых пастилок, которыми активно зажевывали съеденное и выпитое.

Великая Мадемуазель что-то фамильярно говорила королеве почти на ухо. Неужели она не знает, что Ее Величество терпеть не может ни фамильярности, ни того, чтобы к ней прикасались? У Анны Австрийской страшная аллергия на все, что угодно, она не переносит трения о свою кожу даже тонких полотняных тканей, носит только шелковое белье и спит на шелковых

простынях, а кружева на ее одежде всегда пришиты так, чтобы как можно меньше задевать нежное тело. Конечно, со временем даже она привыкла, но все равно я заметила, как поморщилась королева, когда жесткое кружево воротника племянницы задело ее оголенное плечо. Ох, несдобровать Мадемуазель, а заодно и ее папаше Месье!

Так и есть, не успели придворные проглотить всех устриц и запить тонну марципана цистерной компота, а Ее Величество вдруг отбросила свою салфетку в сторону:

– Благодарю за ужин. Вынуждена вас оставить, у меня сегодня мигрень.

Королевская мигрень привела всех в полное замешательство, в первую очередь, конечно, самого виновника торжества.

– Ваше Величество, мы хотели показать балет... и танцы будут...

– Достаточно того, что мы уже увидели и услышали.

Оставалось только гадать, что же такого сказала Великая Мадемуазель Ее Величеству, что королева вдруг прервала ужин.

Придворные с сожалением стали расходиться. Это была катастрофа, потому что Месье на многое надеялся, как и Великая Мадемуазель. Столь откровенное небрежение королевы означало настоящую опалу, ведь в опале можно быть не только в ссылке, вот такая, когда откровенно подчеркивают недовольство, еще хуже.

Наш дядюшка отсутствовал в Париже, потому мы с Мари приехали вдвоем, как ни направились Марианна, ее оставили дома с презрительным «мала еще!». А вот старшая из сестер Олимпия была со своим мужем герцогом Суассоном, который, впрочем, куда-то удалился. Олимпия мало интересовала меня, если бы рядом с ней не стоял... герцог де Меркер!

– Мари, смотри!

– Пойдем, попрощаешься.

Что было бы, не заметь я Людовика рядом с Олимпией или реши Мари, что нам вовсе ни к чему подходить к родственнику? Моя судьба сложилась бы совсем иначе, я бы просто вернулась в свой Париж... Но человеку не дано ни предугадать, что произойдет в следующую минуту, ни узнать, что было бы, если бы произошло иначе...

Олимпия тоже не слишком любила Великую Мадемуазель, а потому с готовностью принялась тихонько обсуждать с Мари ее провал. Мы с герцогом поневоле оказались почти наедине, если так можно сказать о толпе вокруг. Я решила воспользоваться представившейся возможностью пообщаться и не придумала ничего лучше, как... прочитав строчки из 66-го сонета Шекспира! Когда-то эти строчки мне читал сам герцог, только тогда я была Анной де Плесси, и Людовик де Меркер учил меня фехтовать.

– ...мне видеть невтерпеж

Достоинство, что просит подаянья,

Над простотой глумящуюся ложь,

Ничтожество в роскошном одеянье

И совершенству ложный приговор...

Людовик с изумлением взгляделся в мое лицо:

– Мадемуазель, вы знаете Шекспира?

Я усмехнулась:

– Шекспира – нет, но его произведения знаю. Это 66-й сонет. А вы знаете?

Герцог продолжал задумчиво изучать мою физиономию.

– Почему-то мне кажется, что вы на кого-то очень похожи... Словно мы с вами раньше встречались...

Мне пришлось глубоко вдохнуть, чтобы не закричать от восторга:

– Вспоминай же!!!

Вмешалась Мари:

– Герцог, Гортензия снова читает Шекспира? Это ее любимый поэт. Несколько мрачно для юной девушки, вы не находите?

Очарование узнавания было рассеяно. Мари болтала с Людовиком, а я старалась не допустить на глаза слезы злой досады. Впрочем, это длилось недолго, слуга доложил о нашей карете.

– Мадемуазель Мари... Мадемуазель Гортензия... вы прекрасно читаете стихи Шекспира, но ваша сестра права, найдите что-то более подходящее для вашего юного возраста.

Я не сдавалась:

– Что вы посоветуете, герцог?

Мари снова вмешалась:

– Я вам, сестра, подскажу. Герцог, когда вы намерены ехать в Экс?

– Через несколько дней, как только завершу еще одно срочное дело.

– Поцелуйте за нас племянников.

В карете я сидела мрачней тучи.

– Ну, и что ты бесишься?

– Он почти узнал меня, Мари!

– А если бы узнал без почти? Ну, объясни, на что ты рассчитывала, читая ему Шекспира, что он вспомнит Анну де Плесси? Вспомнил – и что? Как ты ему объяснишь, что это ты и есть, что это ты восемнадцать лет назад в облике блондинки лет двадцати крутила с ним роман?

Я сникла, Мари права, во всем права. А та продолжила возмущаться:

– Как могло Арману прийти в голову снова отправить тебя сюда, да еще и в облике Гортензии?!

– А если бы я снова была Анной де Плесси?

– Еще хуже. Ты знаешь, что такое не меняться с годами? Когда приходится каждые десять-пятнадцать лет исчезать и снова появляться в другом облике?

Она никогда не жаловалась на трудности жизни в своем качестве, но меня мало заботили эти трудности, зато вдруг осенило:

– А если я его очарую в этом облике?

– Анна, очнись! Ты сестра его умершей жены, племянница кардинала, ни дядюшка, ни король не допустят такого мезальянса. У кардинала на тебя, вернее на Гортензию, определенные виды, не думаешь же ты, что он позволит племяннице выйти замуж за Меркера?

– Но Лауре же позволил?

– Это был первый шаг, понимаешь, только из-за знатности рода. Теперь у Мазарини есть куда больше, чем было тогда, когда Лаура выходила за наследника Вандомов.

– Я не собираюсь за него замуж, – сердито буркнула я.

– Еще лучше. Намерена снова стать его любовницей? Но в прошлый раз ты была вольной птицей и взрослой девушкой. А сейчас кардинал слишком дорожит невинностью и репутацией любимой племянницы, чтобы не свернуть шею и Меркеру, и тебе, если вы что-то натворите.

– Я могу просто исчезнуть и стать его любовницей в Эксе.

Мари только отмахнулась:

– Герцог мечтает о кардинальской шапке, думаешь, он настолько безумен, чтобы променять все, что у него есть и на что надеется для своих сыновей, ради нескольких страстных ночей даже с очень красивой женщиной? Анна, не скажу, что он быстро забыл тебя тогда, но ведь забыл же. И на нашей Лауре по любви женился, понимаешь?

Она опускала и опускала меня с небес на землю, доказывая, что ничего хуже, чем закрыть новый роман с Людовиком де Меркером, я сделать не могу. Она была права, тысячу раз права, но как же мне хотелось вернуть блеск в голубые глаза, снова и снова слышать его волнующий голос!

И я упрямо объявила:

– Я останусь здесь, пока герцог не уедет в свой Экс!

Мари только вздохнула в ответ... Этот вздох означал, что разговаривать с глупой девчонкой – только терять время впустую. Я все прекрасно понимала, видела, что она понимает, что я понимаю, но ничего поделать с собой не могла. В конце концов сестрица пожалала плечами:

– Хочешь разочароваться окончательно – пожалуйста.

Утром Мари вдруг пришла ко мне, когда я едва встала и оделась, жестом отправила Люсинду, плотно прикрыв за ней дверь и вдруг предложила:

– Послушай, у тебя еще много времени до перехода, так ведь? Я помогу тебе еще раз встретиться с герцогом, хотя предупреждаю: пожалеешь, он действительно изменился, и самое большее, на что можно рассчитывать, то, что было сегодня, – Шекспир и вздохи о прошедшей молодости. Но, – она подняла руки ладонями вверх, – я предупредила, твое дело, разочаровываться или нет. Взамен прошу помощи.

– Какой?

– Мне нужно добиться от Людовика обещания жениться.

– Что?!

– От моего Людовика, а не от твоего.

– Но твой Людовик – король? – я все равно не могла поверить в ее решительность. Мари кивнула. – Это же изменит историю!

Она уселась в кресло, немного помолчала, а потом тихо поинтересовалась:

– Как ты полагаешь, почему Арман тебя отправил вот в таком виде, а не в прежнем?

– Но как я могла через столько лет появиться перед Меркером в прежнем виде?

– А почему не дочкой Анны де Плесси, например? Вполне логично.

Я обомлела от таких слов. Действительно, зачем Арману понадобилось менять мне внешность, да еще и делать любимой племянницей кардинала Мазарини незадолго до его смерти?

– И почему? – спросила осторожно, словно боялась спугнуть ответ, хотя собственного у меня не было.

– Да потому что возвращать он тебя не собирается! Зачем? Держать дверь открытой столько времени требует слишком много энергии.

Я понимала, что логика в ее рассуждениях есть, Арман очень не хотел пускать меня сюда еще раз, всячески сопротивлялся этому. Но поверить в предположение Мари не могла. Вдруг мелькнула мысль, что если Арман не обманул и дверь открыта, то я смогу уйти прямо сейчас.

Я встала и направилась к стене с гобеленом. Мари поняла мои действия правильно.

– Ты помнишь, что можешь открыть ее только один раз, последний?

– Да.

Уже взялась за ручку, когда сзади раздался тихий голос:

– Герцог де Меркер сегодня будет у нас.

– Что?

– Ничего, – пожалала плечами Мари. – Передавай привет Арману.

Она успела выйти в коридор раньше, чем я сообразила, что именно услышала. Дверь за гобеленом осталась закрытой.

Герцог де Меркер действительно обедал у нас, но, помимо него, за столом находились наш дядюшка кардинал Мазарини, которому все трудней вставать с постели даже для домашних посиделок (однако кардинал вознамерился отправиться на юг для переговоров с Испанией лично), два священника из Рима, приехавшие в Париж по делам и остановившиеся у Мазарини, а также Мишель Ле Телье, военный министр и протеже кардинала. Этот обед был мало похож на светское мероприятие, скорее деловой ленч, хотя на столе всякой всячины чуть меньше, чем на ужине у Месье. Отличие только в том, что не ждали короля или королеву и стол был

постным ввиду пятницы. У меня не хватило бы пальцев обеих рук, чтобы перечислить только виды заливной рыбы на этом скромном постном столе. Кардинал вовсе не был чревоугодником, напротив, из-за плохого здоровья питался скромно и понемногу, но его повара... Поварам закон не писан, даже запрещающий роскошь. Разве это роскошь – десяток видов моллюсков? Ничуть, это дары природы.

Поскольку за столом собрались три священника и герцог де Меркер, стремившийся получить кардинальскую шапку, беседа шла больше на теософские темы, но я видела, как жаждет Ле Телье поговорить о другом, причем с кардиналом наедине. Мне тоже хотелось поговорить наедине с герцогом де Меркером, оказавшимся за столом рядом со мной благодаря хитрости Мари.

Но беседа шла общая, и мы терпели. Говорили, конечно, об испанцах и возможном окончании войны. Все сходились на том, что лучшим выходом было бы немедленное заключение мира и брака между Его Величеством Людовиком XIV и испанской инфантой Марией-Терезией.

И вдруг Жан Батист, управляющий кардинала, доложил, что приехал герцог де Мейере и просит Его Преосвященство уделить ему всего пару минут. К столу проследовать отказался, ждет внизу, потому что дорожная карета осталась у входа. Кардинал извинился и вышел, намереваясь поговорить с герцогом в кабинете.

Когда дядюшка вышел, Мари вдруг наклонилась ко мне через стол:

– Герцог Шарль де Мейере. Не желаете взглянуть?

Ее глаза при этом почему-то насмешливо блеснули. Я решила, что она просто пытается сорвать мне возможность побеседовать с Людовиком, пока кардинал отсутствует. Глупо! Мы действительно побеседовали и даже продолжили после возвращения дядюшки, который отсутствовал дольше пары минут.

Это было ужасно! Разве может человек за пару десятков лет стать таким нудным?! Где насмешливое веселье голубых глаз моего Луи, с которым мы перебрасывались задиристыми фразами, начиная с салона маркизы де Рамбуйе? Похоже, задиристость там и осталась. Людовик потух! Если это все из-за моего тогдашнего исчезновения, то я преступница. Конечно, выбора тогда у меня не было – либо постель с умирающим от туберкулеза и прочих гадостей королем Людовиком XIII, либо срочное возвращение в свое время.

Я выбрала второе и отсутствовала восемнадцать лет (в моей жизни это всего восемнадцать дней), за это время Людовик умудрился превратиться в зануду и святошу. Черт побери! А кто обнимался со мной в дорожной таверне? Кто тайком пробирался в спальню в Малом Люксембурге по ночам? Кто страстно целовался при прощании на виду у капитана королевских мушкетеров д'Артаньяна, рискуя отправиться не просто в ссылку в Прованс, но и вообще в Бастилию?

Где тот Людовик?! Его не было, мой Луи исчез, уступив место спокойному, выдержанному прелату, мечтающему о красной кардинальской шапке.

Мне не хотелось не только проявлять любопытство и глазеть на герцога де Мейере, но и общаться с Людовиком де Меркером, моим Луи, сыном вечно опального герцога Цезаря де Вандома и братом беспокойного Франсуа де Вандома. В голове билась одна мысль: лучше бы не переходила! Жила бы себе, твердо веря, что Луи меня помнит, что женился на Лауре Манчини по необходимости, а после ее смерти не женился не из-за кардинальской шапки, а из-за памяти о нашей с ним страсти.

Я с трудом досидела до окончания обеда, не обратив никакого внимания на выразительный взгляд дяди, когда тот, вернувшись, сказал, что молодой герцог де Мейере уехал в Бретань, что он, несомненно, будет прекрасным губернатором там, каким был и его отец, что обязательно стоит посоветовать Его Величеству дать Шарлю это губернаторство...

Какой-то Шарль Мейере... губернаторство в Бретани... зачем мне все это, если мой Луи так разочаровал?

Почему я после этого не открыла дверь и не ушла, не знаю. Просто не ушла, и все тут...

И герцогом Мейере не поинтересовалась тоже зря. Дело в том, что полное имя герцога звучало весьма примечательно для меня: Арман-Шарль де Ла Порт герцог де Мейере, и именно ему наш дядюшка намеревался оставить свой титул герцога Мазарини и большую часть наследства. Для этого молодого герцога требовалось женить на какой-то из племянниц, подходили две – Мари и я. Но у Мари сумасшедший роман с королем, оставалась я.

Меня матримониальные планы дядюшки не волновали совершенно – как оказалось, зря. Но я ведь намеревалась уходить.

Людовик де Меркер пообещал мне прислать томик Шекспира и спокойно переключился на беседу с итальянцем. Сначала вознесенная обещанием в облака, я тут же обиженно надула губки и, чтобы не привлекать внимания своим испорченным настроением, уткнулась в тарелку, чуть развернувшись в сторону дядюшки. Но слушать там лично для меня было совершенно нечего, кардинал и Кольбер обсуждали очередную «подачку» всемогущего Фуке, он ссудил деньгами Ее Величество.

– Растет долг королевы, растет и ее зависимость от Фуке...

Я пыталась вспомнить, что знаю о Фуке, но вспомнила только одно – он очень богат, суперинтендант, безумно щедр (за счет казны), особенно для себя лично и для королевы. А еще что он построил роскошный дворец Во-ле-Виконт и покровительствовал французским поэтам. Королева зависит от Фуке? Это интересно... а почему? Мои ушки встали на макушку.

Но больше ничего интересного я не услышала, однако выбросить из головы услышанное уже не могла. Что я сделала бы дома? Попросту залезла в Интернет и все выяснила, но здесь придется ждать уединения с Мари, чтобы что-то спросить. Пока обед продолжался, я, рассеянно ковыряя вилкой в заливной рыбе, вспоминала все, что знала о Фуке. Почему-то меня вдруг заинтересовала эта личность.

Фуке построил роскошный дворец Во-ле-Виконт тогда, когда Версаль еще не было, это с него взял пример Людовик. В честь новоселья он устроил праздник, какого не видел двор.

Шекспира герцог де Меркер прислал, к тому же была приложена записка с советом, на какие сонеты обратить внимание, и совет прочитать «Ромео и Джульетту», если я еще этого не сделала.

Простенькие несколько строк вдруг возродили во мне какие-то тайные надежды. Разговора о возвращении домой в свой век не было. Мари поморщилась, но согласилась:

– Помоги мне пока справиться с одной змеей.

– С кем?

– Сама увидишь. Кстати, запомни, что ты племянница кардинала и одна из богатейших невест Европы, а не бедная родственница из глухой провинции. Прошли те времена, когда мы скромничали, держи голову выше. Это во-первых. Во-вторых, Ее Величество наша с тобой тетка, пусть и тайная. И зовет нас племянницами.

Я не успела обрадоваться, как получила холодный душ:

– Но это вовсе не значит, что она нас любит. Меня так терпеть не может, хотя всем говорит, что любит. Любит Анна Австрийская только себя, Людовика и поменьше кардинала. Она себе внушила, что ее материнская любовь сильнее всего на свете, а любовь к кардиналу вообще вечная.

– А это не так?

Я действительно удивилась, потому что во всех романах любовь Анны Австрийской к сыну и к Мазарини действительно Эверест в высоту и Тихий океан в ширину.

– Ничуть. То есть все так, но только пока не задеты лично ее интересы. Королева готова держать в узде сына, чтобы тот не зарился на ее власть, и кардинала тоже поэтому. Людовик любим, только пока не пытается поступать по-своему. А уж мы с тобой и вовсе маленькие негодницы, потому что смеем подавать голос, когда нас не спрашивают.

Стало смешно, особенно когда Мари посоветовала:

– При дворе шуточки в большинстве ниже пояса, потому не удивляйся, смейся, когда смеются все, держись в стороне, пока я не покажу тебе всех, к кому приближаться рискованно, и не красней при словах вроде «поссать» или прозвища вроде «старуха», «торговка требухой», «потаскуха»... Конечно, не на больших приемах, но на вечерах вроде «семейного» ужина на сотню гостей.

– Кого это зовут старухой?

Мари хитро прищурилась:

– Ее Величество.

– А толстой торговкой?

– Прекрасную Атенаис. Потаскуха – это мадам де Бове...

– А ты?

– Я чума двора. Между прочим, прозвище дано самой королевой.

– А я?

– Ты еще слишком мала, чтобы иметь почетное прозвище. Не заслужила. Ты мне поможешь высмеять одну уродину?

– Кого, случайно не Генриетту Анну Тюдор?

– Нет, испанку, увидишь сама.

При дворе проездом из Нидерландов в Испанию появился дон Хуан Австрийский, внебрачный сын короля Филиппа Испанского и какой-то актрисы. Главное, что я помнила о нем, – именно он был возлюбленным шведской королевы Христины, которую так замечательно сыграла в одноименном фильме Грета Гарбо. Сам дон Хуан Австрийский мне совершенно безразличен (кстати, не могла понять, что в нем нашла королева, сморчок и сморчок, на взгляд моего времени). Но он вез с собой толпу бездельников, среди которых нашлась шутиха, доставившая немало неприятных минут Мари, а значит, и мне.

Эта Капитора была сущим уродом внешне и якобы остроумна. Остроумием своим кичилась, хотя, на мой взгляд, оно не было даже примитивным, пошлые шуточки, юмор исключительно ниже пояса, голос визгливый, ужимки макаки. Придворным нравилось. Сначала я не могла понять почему, потом догадалась.

Во-первых, рядом с такой уродиной любая казалась красоткой, а ее гадкие шуточки выслушивали, чтобы убедиться, что о ком-то говорят еще хуже. Она же никогда не говорила гадости в лицо, обычно только за глаза, потому и пользовалась популярностью.

Осознав, что, кроме блох, от этой особы ничего не заработаешь, я старалась держаться подальше. Но не выдержала, потому что единственной, о ком Капитора говорила гадости в лицо, была, конечно, Мария. Гадкая дурочка, пользуясь своим положением (на дураков не обижаются), стала поносить мою Мари при всех, называя уродливой и всячески восхваляя инфанту.

Как бы я ни злилась на Мари, принцип «наших бьют» заставил встать на ее защиту. Я сразу поняла, что эта дура вовсе не глупа, но очень зла и коварна, потому с Капиторой следовало быть осторожной. Но все равно не удержалась и, в очередной раз услышав, как она поливает грязью мою сестру, а окружающие прячут смешки за веерами, ответила.

– Капитора, расскажите нам об инфанте. Любопытно, что за красавицы при испанском дворе. Если они столь же остроумны и хороши собой, как вы...

Договорить даже не дали, неприкрытый смех заставил шутиху позеленеть.

Она не успела ответить, потому что я просто засыпала вопросами:

– Правда ли, что инфанта так же мала ростом, как вы сами? Выше? Насколько, на два или даже на три пальца?

Я демонстрировала рост где-то себе по пояс и «наивно» интересовалась:

– У инфанты есть скамеечка, чтобы взбираться на трон, или следует заказать?

Теперь придворные против своей воли прятали усмешки по поводу инфанты.

– А ее челюсть не шире плеч? А инфанта способна к языкам или придется объясняться с двором жестами? Я слышала, что она плохо усваивает знания.

Инфанта Мария-Терезия и впрямь не знала французского, хотя прекрасно сознавала, что ее попытаются выдать замуж за Людовика. Могла бы и выучить.

Пока шутиха искала, что бы такое ответить наглой девчонке (то есть мне), я продолжила:

– Хотя для французских красавиц выучить испанский нетрудно... – И продолжила по-испански: – Извините мне мое любопытство, но интересно знать, кого же предлагают нашему красивому и умному королю в жены...

Королева, заметив, что придворные внимательно слушают мои пререкания с шутихой, попросила меня подойти.

Кажется, Капитора вздохнула с облегчением. Я понимала, что нажила врага, но остановиться уже не могла.

– О чем вы разговаривали с этим несчастным созданием?

– Расспрашивала ее об инфанте. Ходит столько слухов о том, что инфанта вовсе нехороша собой, не слишком способна, и многом другом... – Заметив, что Людовик внимательно прислушивается, а королева начала поджимать губки, я добавила с самым невинным видом: – Я просила уродину развеять эти слухи.

Анна Австрийская сумела сдержать ярость, холодно поинтересовавшись:

– Развеяла?

– Нет, Ваше Величество, не сумела. – Людовик смотрел уже мне почти в рот. Пришлось обезопасить себя новым уточнением: – Вероятно, не успела, вы позвали меня к себе. Может, спросить ее еще? Не может же быть инфанта столь же прекрасна, как Капитора...

Я балансировала на грани приличий и вполне представляла, что может последовать за таким выпадом. Королева сделала жест, из которого следовало, что мне можно уйти.

– Да, Ваше Величество... Простите, если своим любопытством чем-то не угодила вам...

Король отошел в сторону, не в силах сдержать смех. Я перехватила полный злости взгляд шутихи и усмехнулась: э, ты еще меня не знаешь!

Будь шутиха действительно остроумна или по-настоящему смешна, побороться с такой соперницей интересно, но молча терпеть оскорбления и глупые насмешки от откровенной дуры, для которой замечание вроде «у вас вся спина белая» предел сообразительности, унизительно. Мари поинтересовалась у королевы в присутствии Людовика:

– Ваше Величество, неужели вас забавляют оскорбления, которые Капитора наносит мне?

Королева умна, признаться, что ей забавны ужимки идиотки, значило признать и собственный невысокий уровень интеллекта, сказать, что шутиха глупа (хотя как может быть умна дурочка?), – обидеть дону Хуана.

– Мадам, я понимаю, что вам не нравятся все, кто привлекает хоть малейшее внимание Его Величества, но полагаю, что вам не стоит забываться. Знайте свое место и судите остальных, не забывая о нем.

Эта была настоящая пощечина, хорошо, что слышал только Людовик, который вступился за Мари. На этот раз вступился, но что будет дальше?

Почувствовав некоторую холодность Анны Австрийской к Марии, шутиха удвоила свои усилия ее оскорбить, нападки стали более яростными и оскорбительными.

Но не на тех напала! Мне удалось вопросами загнать ее в тупик, но это мелочи, посмотрим, что будет дальше.

Есть у меня один скромный талант (кроме умения вечно влипнуть в самые немыслимые истории, подобные той, в которой оказалась на этот раз) – я неплохо рисую, особенно дружеские шаржи. Вот им и решила воспользоваться.

Шаржи получились далеко не дружескими. Я никогда не видела воочию испанскую инфанту и смутно помнила портреты Марии-Терезии. У нее упитанная физиономия и фигура, габсбургская нижняя губа и слишком массивный подбородок, делающий лицо глуповатым.

Конечно, я преувеличила размеры челюсти и нос сделала длинноватым, губу слишком выпятила, а массивный двойной подбородок просто уложила на грудь, но одного взгляда на портрет достаточно, чтобы понять суть и посмеяться.

Но потом решила, что должна поплатиться и мерзкая шутиха тоже. О, шарж на ее бритую голову я рисовала с еще большим удовольствием! Кривоватая фигура, которую перетягивала вбок массивная шпага, уродливое глуповатое лицо, в одной руке... уменьшенный вариант шаржа на инфанту, словно это она, а не я, рисовала. Вторая рука пытается ухватить отсутствующие волосы на голове, видно чтобы вырвать клочок.

Второй шарж и вовсе изображал уродину в виде макаки, выбирающейся из клетки. Зло, но она заслуживала такое отношение. Мари не сделала ей лично ничего плохого, как и ее хозяйке, однако эта мерзкая уродина открыто говорила о моей сестре гадости, высмеивала за то, что лично я считала достоинством, – не дебелие рыхлые тела, втиснутые в шелка, а стройное тело, лицо без двойного подбородка и пухлой нижней губы и нормальный цвет кожи, не замазанной толстым слоем белил с губками бантиком.

Тем более сама Капитора была полной противоположностью Мари (и мне тоже) – уродливая, изрыгающая фонтаны пошлых шуток, за любую из которых попросту исключали из приличного общества в мое время, кичащаяся своей безнаказанностью. Официальной дурочке при дворе разрешалось обливать грязью любого без права ответить, чем Капитора попросту пользовалась. Легко прослыть остроумной, если не ждешь ответа, а придворные всячески заигрывали с этой дрянью, объявляли ее смешной и остроумной, приглашали к себе, чтобы послушать ее шутки о других, и осыпали подарками в надежде, что их самих не коснется жало шутихи, что не станут объектами гадких шуток.

Так стараться не стоило, потому что у Капиторы был один объект – возлюбленная короля моя сестра Мари. Думаю, дурочку притащили ко двору именно с этой целью – поднять на смех Мари, доказать, что моя сестра (и я заодно) уродины по сравнению с этими дебелими тумбами, подбородки которых не помещались на груди. Придворные дамы, ощущая свою ущербность из-за острого язычка и свободомыслия Мари, а также свою неуклюжесть рядом с живостью и гибкостью возлюбленной короля, с удовольствием поддерживали нападки мерзкой уродины. Ободренная всеобщей поддержкой, она удвоила нападки.

Я не могла не показать свои творения Мари. Та сначала ужаснулась:

– Ты попадешь в Бастилию!

– Никто не должен догадаться, что это рисовала я. Нужно подумать, как это сделать всеобщим достоянием.

– Я сделаю, давай, – протянула руку Мари.

У меня внутри шевельнулось сомнение, но кто сможет доказать, что это моих рук дело? Вот сейчас только смою сажу с пальцев, и я чиста. Никто никогда не видел, чтобы Гортензия Манчини рисовала. Иногда полезно скрывать свои таланты.

На следующий день двор гудел, как растревоженный улей, все пересмеивались, кося глазами то на шутиху, то на дона Хуана, то на короля. Дамы прятали смех за веерами, кавалерам было несколько сложнее, в тот день они слишком часто покашливали в кулаки, словно двор охватила невиданная эпидемия острого респираторного заболевания.

Мы с Мари вовремя сообразили, что тоже нужно прятаться за веерами, чтобы не возбудить подозрения.

Когда шутиха подошла к королеве, дабы сделать очередной нелепый комплимент, по залу пробежал уже не смешок, а настоящий смех и легкие возгласы:

– Похоже!

Королева возмутилась:

– Что происходит? Что смешного?!

Прошло немало времени, пока ей, наконец, удалось добиться, чтобы показали шаржи на Капитору. Рисунка, изображающего инфанту, не видно. Мари шепотом пояснила:

– Он у короля...

Анна Австрийская разглядывала шарж, разрываясь между яростью и желанием залиться смехом. Я постаралась, рисунок получился не только едким, но и смешным, особенно тот, где Капитора в виде макаки.

И все же королевский гнев взял верх:

– Кто позволил себе нарисовать эту гадость?!

Я с трудом удержалась, чтобы не присесть в реверансе:

– Я, Ваше Величество. Еще хотите? Я могу.

Пришлось, как и остальным, опускать взгляд в пол и прятать улыбку за заходившим ходунком веером.

– Еще есть?

– Нет, Ваше Величество, – услужливых подлецов при дворе всегда было много.

Возмущенная королева поспешила покинуть зал, отговорившись внезапной мигренью. И снова я с трудом сдержалась, чтобы не наговорить гадостей уродине, это выдало бы меня с головой. Напротив, постаралась остаться как можно незаметней.

А моя сестрица использовала ситуацию сполна, я услышала, как она прошептала королю:

– Ваше Величество, неужели вы оставите эту... эту... фи! при дворе? Неужели ее глупость и уродство не оскорбляют ваш взор? Если вы ее оставите, предупредите меня, чтобы я могла уберечься от ее нападков, не появляясь, пока она здесь.

В голосе Мари были почти слезы. Конечно, между моей сестрой и дурочкой король выбрал возлюбленную.

Едва не разразился дипломатический скандал, потому что шутиха не сразу выполнила требование короля покинуть двор. На следующий день мы с Мари разыграли целый спектакль. Завидев это нелепое существо ковыляющим на прогулке в парке и понимая, что сейчас последуют новые нападки, мы, не сговариваясь, повернули обратно.

Король заметил удалявшуюся пассию, окликнул:

– Мадемуазель Манчини, куда вы?

– Ваше Величество, – в голосе и глазах Мари стояли слезы, – там эта...

Я не упустила возможности внести свою лепту, зашептала:

– Ваше Величество, у нее пена изо рта. Вдруг она кусается?

Пены, конечно, не было, но чудовище не чистило зубы, и постоянный белесый налет в углах рта имелся.

– Что?! – Людовик оглянулся на шутиху, сегодня разодетую во все красное, видимо, ради нанесения нам какого-то удара, рассмеялся:

– Что вы, право, она безобидна.

В голосе короля раздражение, но я уверена, что не против Мари, а против дурочки.

Мари поддержала мои старания:

– Возможно, она и безопасна, но мы лучше удалимся. Простите, Ваше Величество...

Прогулка короля была испорчена, и на следующее утро шутиху при дворе уже не видели.

Кардинал попытался внушить нам с Мари, что мы едва не вызвали дипломатический скандал:

– Вы понимаете, какой отклик при испанском дворе вызовет ваше поведение?!

Я старательно хлопала глазами:

– Сначала привозят гадких уродцев, оскорбляющих приличных дам, а потом обижаются, когда мы избегаем общества этих уродин.

Дядюшка внимательно посмотрел на меня:

– Мадам, мне совсем не нравится вольность вашего поведения и ваших высказываний.

– Простите, Ваше Преосвященство, других не имею.

– Что?! Что вы себе позволяете?

В моих глазах задрожали старательно выдавливаемые слезы, голосу тоже удалось придать нужный тембр:

– Ваше Преосвященство, эта уродина говорила гадости и угрожала мне, удивительно ли, что я постаралась ее избегать? А Мари она и вовсе поносила при всех. Если таков весь испанский двор...

Мазарини устало вздохнул:

– Одна женская глупость способна разрушить тысячу часов кропотливых дипломатических усилий. Постарайтесь не появляться при дворе, пока дон Хуан со своей шутихой здесь.

Мы с Мари, не сговариваясь, залились слезами. Дядя, как и большинство мужчин, не переносил женские слезы, он буквально взвыл:

– Ну, что еще?!

Мы заверещали наперебой:

– Вместо того чтобы удалить уродину, вы удаляете своих собственных племянниц!

– Если бы была жива наша мать, она бы такого не допустила!

Кардинал откровенно смутился. Капитора и впрямь оскорбляла Мари при всех, никто не знал, что шаржи – наших рук дело, обвинить нас не в чем, получалось, что нас наказывали несправедливо.

– Ну, ладно, ладно. Его Величество уже распорядился, чтобы шутиха уехала.

– Когда?!

– Кажется, сегодня, сейчас.

– Дядюшка, позвольте удалиться? – слезы мгновенно высохли. Упустить возможность поерничать над Капиторой в последний раз мы не могли.

Получив разрешение удалиться, поспешили во двор Пале-Рояля.

Вовремя, успели застать отъезжающую Капитору.

– О, мадам, куда же вы?

Она только зло сверкнула глазами из-под сдвинутых бровей.

Я поддержала Мари:

– Вы же не рассказали об инфанте. И нам будет не хватать вашего приятного общества.

– От кого еще услышишь столько глупостей за один вечер?

– Не только нам, всему двору...

– Мы надолго сохраним в памяти ваш безобразный облик...

– Да, мадам, рядом с вами так легко казаться умной даже самой большой дуре...

Пока шутиха забиралась в карету, мы с Мари верещали наперебой, Капитора не удостоивала ответом. И все же не выдержала, прошипев сквозь зубы:

– Я еще вернусь с инфантой! А вы отправитесь в ссылку или в Бастилию.

Стало не по себе, но я ответила:

– Только после вас, красотка, только после вас! – И «по секрету» сообщила: – Там вас ожидают крысы, вполне подходящая вам компания.

Нам бы поостеречься, слишком заметно всему двору наше противостояние с Капиторой, чтобы не догадались, чьих рук дело шаржи. Но Людовик был так влюблен в Мари, что шел в угоду ей даже против собственной матери, под каблуком которой находился уже столько лет.

Попытка оказалась неудачной, король поссорился с матерью по поводу танцев, которые пожелал организовать вопреки посту. И тут вмешался наш дядюшка, он отругал Мари за столь нелепое пожелание – танцевать в пост, и сумел помирить королеву с сыном. Мария осталась виноватой, между ней и Анной Австрийской пробежала уже не черная кошка, а целая киплингская пантера Багира собственной персоной. Несомненно, это могло плохо закончиться, однако Мари, почувствовав свою полную власть над королем после его отказа жениться на Маргарите Савойской, закусил удила, она была уверена, что Людовик женится только на ней самой, а все разговоры об испанской инфанте и согласие с кардиналом и королевой лишь для отвода глаз.

– Мари, но почему же он не женится?

– Ждет заключения договора с испанцами.

– Но договора не будет без договора о браке короля.

Мари хитро заблестела глазами:

– Мы кое-что придумали. Позже увидишь.

Мне очень не нравился этот хитрый блеск, он мог означать грядущие неприятности лично для меня. Я не забыла наставления Армана о невозможности что-то изменить, но Мари снова успокоила, что я успею уйти, прежде чем что-то произойдет. Оставалось надеяться...

Зря она надеялась, что Людовику позволят жениться на племяннице кардинала. Любить Мари ему разрешали, но жениться?!

Людовик еще не стал настоящим королем, а потому во всем слушался мать и кардинала, своего крестного отца (и отчима? вполне возможно). И все же Луи попытался поговорить с матерью. И вот тут стало ясно, насколько права Мари, твердя, что для Ее Величества прежде всего ее собственные интересы, пусть выдаваемые за интересы государства, а сын на втором плане. Племянница вообще на десятом.

Мазарини давно это понял, на что он надеялся, не препятствуя влюбленности короля и своей племянницы, непонятно, неужели на то, что королева вспомнит о том, что существует любовь? Во множестве книг и фильмов твердят, что именно кардинал настоял на браке короля и испанской инфанты, что это он фактически вынудил Анну Австрийскую сделать выбор не в пользу сына, чтобы заключить договор с испанцами и закончить Тридцатилетнюю войну. Но ведь на инфанте можно было женить младшего сына Анны Австрийской Филиппа, а Тридцатилетняя война закончилась десять лет назад, и испанцам мир был нужен не меньше, чем французам...

Просто одно дело называть Мари племянницей и совсем иное – невесткой и королевой. Анна Австрийская прекрасно понимала, что строптивая и активная Мари станет настоящей правительницей, следовательно, сама Анна власть потеряет.

Но пока власть была в руках Анны Австрийской, она ею воспользовалась, и отнюдь не в пользу моей сестрицы.

– Ваше Величество, почему вы не желаете выслушать меня и понять мое сердце? Вам хорошо известно, что такое сердечная привязанность и брак без любви. Почему вы обрекаете меня на такое? – в голосе Людовика настоящее отчаянье.

Королева холодно посмотрела на сына, от ее взгляда у несчастного Луи все внутри заледенело. Голос королевы также был холоден и непривычно звонок.

– Сын мой, ваши сердечные пристрастия не столь постоянны, как государственные интересы Франции. К тому же не стоит путать любовный пыл с интересами страны, а любовь с браком. Вам прекрасно известно, что издревле короли Франции заключали браки, исходя из государственной необходимости, а не из собственных желаний.

Анна Австрийская поднялась и прошла по комнате, не глядя на сына, зато бросив раздраженный взгляд на присутствующего кардинала, в котором явно боролись два желания – стать тестем короля и пойти на поводу у королевы. Мазарини не заметил этот недовольный взгляд, он задумчиво покусывал губу, глядя на пламя свечи. Королева, не получив открытой поддержки кардинала, с трудом удержалась от резкого выпада в его адрес и продолжила внушать сыну:

– Вы, видимо, забыли об ответственности перед страной, королем которой являетесь. А ее интересы требуют, чтобы ваш брак с испанской инфантой состоялся, и как можно скорее!

– Но я люблю другую! – это был скорее крик отчаянья, чем серьезное возражение, Людовик понял, что проигрывает матери, ему нечего противопоставить ее требованию блюсти интересы Франции.

– Да любите вы кого угодно! Но если бы мужчина женился на всех женщинах, которых любит за свою жизнь, что творилось бы на свете? К тому же позвольте напомнить, что еще недавно вы любили старшую из сестер Манчини, не так ли?

Людовик опустил голову.

В это мгновение кардинал, видно, осознал, что король готов уступить матери и лично для него промедление смерти подобно, потому встрепенулся:

– Ваше Величество, Вы просили у меня руки моей племянницы Марии Манчини?

Анна Австрийская замерла, в немом возмущении глядя на своего возлюбленного, но тот словно не замечал этого гневного монаршего взора.

– Простите, Ваше Величество, но я, как ее опекун, исполняющий обязанности ее отца, отказываю вам в руке Марии ради блага Франции. Я уважаю ваши чувства к моей племяннице, был бы счастлив видеть вас своим зятем, но ставлю интересы Франции выше собственных и, простите, Ваше Величество, ваших личных интересов. Поверьте, мне больно произносить такие слова, я счастлив вашей любовью к Марии, но обстоятельства вынуждают меня ответить довольно резко. Надеюсь, пройдет время, и вы поймете, что именно двигало мной. . .

Королева уже сделала нетерпеливый жест, чтобы остановить слишком разговорившегося кардинала, но тот снова сделал вид, что видит только несчастного короля. До сих пор голос Мазарини почти дрожал от слез и сожаления, но теперь вдруг стал твердым:

– Ваше Величество, я понимаю, что говорю страшные слова, но если придется распорядиться судьбой племянницы, то я скорее сам заколю ее кинжалом, чем позволю разрушить вашу жизнь. Еще раз простите мне мою резкость, а молить Господа о прощении мне придется всю оставшуюся жизнь.

Людовик смотрел на своего наставника во все глаза. Неужели кардинал готов скорее убить Марию, чем позволить им соединиться вопреки нуждам Франции? Мазарини в ответ смотрел в глаза монарха прямо, а по его щеке текла слеза. Она не была фальшивой, кардинал только что попрощался с возможностью стать тестем короля и с благосклонностью королевы, которая ни за что не простит и мгновенного замешательства в отказе.

Мазарини лучше кого бы то ни было, даже лучше самой Анны Австрийской, понимал, что для него это начало конца. Теперь предстояло только завершить начатые дела, прежде всего

именно женитьбу короля, и как можно скорей пристроить племянниц. Собственно, оставались две – несчастная Мария и Гортензия.

В следующее мгновение Мазарини сделал еще один жест, которого от него не ожидали ни Людовик, ни Анна Австрийская, он поклонился королеве со словами:

– Ваше Величество, я принес в жертву интересам Франции свою семью. Позвольте мне удалиться.

Королева растерянно кивнула:

– Конечно, Ваше Преосвященство...

Кардинал быстро кивнул королю и поспешил прочь. Только многолетняя привычка не выдавать своих мыслей и чувств позволила Мазарини сдерживать клокотавшую внутри ярость. Он быстро, несмотря на болезнь, шагал к переходу в свой дворец, размышляя, как теперь быть и что последует за отказом в руке Марии самому королю.

Нет, кардинал вовсе не переживал за чувства племянницы, пожалуй, стоило раньше предвидеть такой поворот событий и предостеречь ее от слишком сильного увлечения и больших надежд. Мазарини ругал себя за то, что в надеждах невольно вознесся слишком высоко. Как он мог хотя бы на миг допустить, что Анна Австрийская допустит женитьбу Людовика на какой-то Марии Манчини!

На это наивно могла надеяться сама Мария, но только не он, столь опытный политик, прекрасно знающий Анну Австрийскую и понимающий, что для нее племянница кардинала никто!

Кардинала душила досада на самого себя за недальновидность, за то, что позволил случиться такому положению. Нет, он не мечтал о женитьбе короля на Марии, но что скрывать, королевское увлечение было кардиналу весьма приятно. Мазарини просто не ожидал от Людовика такой решительности, ведь Его Величество не противился встрече с предыдущей кандидаткой в королевы Маргаритой Савойской.

Мари просто возненавидела королеву, и это становилось опасным. Сдерживать сестрицу могла только я, потому что кардинал спешно отбыл на юг договариваться с испанцами, заторопившимися с заключением брачного договора. Мазарини требовалось сначала заключить мир и выбить значительные уступки. Он писал письма, в которых пытался вразумить племянницу и оправдать жестокость королевы, но помогало мало.

Кардинал в каждом письме уверял, что сочувствует Мари, понимает и даже разделяет ее страдания, что их разделяет и королева, но настаивал, чтобы Мари сама прекратила общение с Людовиком.

– Эта толстая корова мне сочувствует?! – бесилась Мари. – Она смеет говорить о каких-то чувствах, эта испанка из рода Габсбургов?! Почему дядя и остальные не видят, что королева просто делает все, что угодно испанцам?!

Никакие попытки вразумить Мари, доказывая, что мир с испанцами и брак Людовика с инфантой дело рук не королевы, а кардинала, не помогали. Я понимала сестру и была полностью на ее стороне. В конце концов, чем Мари хуже?! Если эти толстые коровы не считают нас с ней (стройняшек) красавицами из-за отсутствия двойных подбородков и выпирающих отовсюду жирных телес, тем хуже для них.

Однажды услышав, что королева отзывается о нас с Мари как о страшненьких худышках, я возмутилась так, что больше не желала не только помогать Ее Величеству, но и поклялась распустить слух о ее похождениях в молодости и о тайном браке с нашим дядей. Поделом ей!

Успокаивать Мари можно только одним: Людовик в будущем наставит такие рога своей супруге, что остается лишь дивиться крепости ее толстой шеи, выдерживающей вес этих «украшений», свидетельствующих об изменах короля. Позже я не раз задумывалась, стал бы Людовик столь несдержан в своих пристрастиях к дамскому телу, женись он на Марии? Наверное, нет.

Марию Манчини он не просто желал, он ее любил, собственно, короля Людовика из уральня Луи сделала она, но ни наш дядюшка, ни королева Анна Австрийская не оценили заслуг моей Мари.

Ссылка по-королевски

Мария рыдала второй день. Королева, которую мы обе уже ненавидели всей душой (каждая своей, а значит, вдвойне), решила во что бы то ни стало избавиться от пассии сына. Анна Австрийская заявила кардиналу, что если тот согласится на брак короля с племянницей, то она лично встанет во главе восставшей против Мазарини Франции и приведет с собой Месье, своего младшего сына.

Я скрипела зубами:

– Толстая корова! Зря я тогда ездила к ней и помогала выжить, надо было позволить Людовику XIII развестись с этой кобылой и загнать ее в монастырь!

Но не могли же мы с Мари сказать, что это мы в свое время, будучи, правда, в несколько ином обличье, помогли удержаться на троне Анне Австрийской. Теперь я жалела об этом, хотя прекрасно понимала, что, не сорви мы тогда заговор Сен-Мара, едва ли Людовик XIV был сейчас королем.

И все равно, мы дружно ненавидели Анну Австрийскую. Уж она-то должна бы понимать, что такое любовь. Сама тайно обвенчалась с Мазарини, а сыну не позволяет жениться по любви.

Но это оказались не все неприятности.

Мадам Невель, раньше бывшую нашей гувернанткой, а теперь просто наставницу, вернее шпионку королевы, мы ненавидели не меньше, чем Анну Австрийскую. Старая зануда, над которой Людовик издевался от души, не отставала от Мари ни на шаг, не позволяя влюбленным даже просто поцеловаться. Думаю, такое невольное воздержание только разжигало у Людовика, привыкшего получать от дам все и сразу, его страсть.

Так вот эта мадам Невель и принесла оглушающую своей жестокостью новость: Марию отправляют в ссылку!

– Нет! – ахнула бедолага.

– Мадемуазель Мария, кардинал ваш дядюшка требует немедленно прийти к нему, – поджала губы мадам Венель. Я никогда не понимала, как она умудряется поджимать то, чего просто нет. Но две ее узенькие ниточки синего цвета вместо красного, как у нормальных людей, по какому-то недоразумению именуемые губами, становились еще тоньше, сливаясь в одну.

Мари вернулась от кардинала не скоро. Я бросилась к ней:

– Что, Мари?!

Та выдавила из себя только одно слово:

– Ненавижу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.